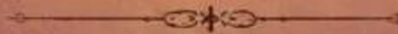

История в Палермо

Ольга Милан

18+

Ольга Милан

История в Палермо

«Автор»

2026

Милан О.

История в Палермо / О. Милан — «Автор», 2026

Палермо. Город, где камни помнят больше, чем люди, а море умеет хранить тайны. Здесь, среди узких улочек и старых мастерских, разворачивается история, в которой переплетаются любовь и предательство, вера и отчаяние, свет и тьма. История, где каждый шаг может стать последним, а случайная встреча — началом конца. Где за красивыми фасадами прячется то, о чём страшно даже подумать. Где прошлое не отпускает, а будущее не обещает ничего. Это книга о тьме, которая маскируется под доброту. О любви, которая спасает — и делает уязвимым. О доверии, которое становится ловушкой. О городе, который помнит всех. В этой книге есть эпизоды реальных событий. Не выдуманных. Не придуманных для драматического эффекта. А тех, что происходили — с людьми, с городами, с целыми поколениями. «Жизнь — это тень. Но даже тень может стать светом».

© Милан О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ольга Милан

История в Палермо

Глава

История в Палермо

Деликатно месяц из-за тучи вышел,
Заглянул в окошко, посмотрел под крыши.
Запахом пачули пробежал по нишам,
Отраженьем в луже к звёздам стал чуть ближе.
Поблестел лукаво и побрёл к просеке.
Там, где вяз с рябиной, распивал Prosecco.
Всхлипнул ветер с ветки: — Что же ты далёкий?
В этой зябкой ночи — словно лик нестойкий,
В тёмном мраке бродишь гордый, одинокий?
А туман сочится, льётся в закуток,
Прячет след незримый, тайный, будто слог.
Улыбнулся месяц, словно взял чужую,
Бросив свет небрежный на тропу лесную.
Тени шепчут тайны в сладостном дурмане.
Эхо ловит вздохи в сумрачном обмане.
И играет ветер бликами травы.
Аромат пачули наполняет сны.
И коснется флейта краешка воды,
Пробудит, проявит чудные миры.
И польется песня в сумеречный сад.
И запляшут тени, музыке той в такт.
Месяц, разбросает по листве свой свет,
И в фантасмагории тает дивный след.

Эта книга не появилась бы без участия одного человека. Без скульптора из Палермо — города, где камни помнят больше, чем люди, а море умеет хранить тайны. Без его работ, в которых мрамор дышит, а глина говорит. Без его взгляда на мир — взгляда мастера, который видит красоту там, где другие проходят мимо.

Именно он, Росарио, подал идею написать о Палермо. О его улицах, пропахших морем и историей. О его тенях, которые ложатся на старые стены. О его людях — живых, страдающих, любящих, ошибающихся. О его свете, который пробивается даже сквозь самую густую тьму.

Спасибо тебе, Росарио. За то, что напомнил: у каждого города есть голос. И у каждого голоса — своя история. Эту историю я и попыталась рассказать.

С благодарностью и уважением, автор.

P.S.

Эта книга не является описанием судьбы этого человека. Все совпадения, если они имеются, — чистая случайность.

В этой книге есть эпизоды реальных событий. Не выдуманных. Не придуманных для драматического эффекта. А тех, что происходили — с людьми, с городами, с целыми поколениями. История Михаила — не метафора. История его матери — не художественный приём. История рабочих на предприятиях в разных городах, где зарплату выдавали протухшей рыбой, а чиновники отвечали: «У нас этого нет в Конституции», — это не вымысел. Это хроника. Такая же реальная, как тля на яблонях, как божья коровка на детской ладони, как запах пачули, который растворяется после дождя.

Палермо — город на острове, с одной стороны окружённый горами, как неприступной стеной, с другой — обласканный морем. Волна за волной, набегающая на его берег, нежно поглаживает его бок. Он словно дитя, безмятежно дремлющее в люльке под колыбельную любящей мамы. Даже солнце, выглянув из-за тучи, трепетно скользит лучами по его сводам и крышам.

Но, несмотря на всю красоту и умиротворение, по мокрой от дождя мостовой, до головок окружения упиваясь ароматом пачули, в полном унынии шёл человек. Он недоумевал, и в его голове роем жужжащих пчёл проносились мысли.

«Я ведь мастер своего дела, мои работы знает чуть ли не весь мир. Я знаю, что я могу и умею!» — но, несмотря на это, уже вторую неделю ни одна работа не сдвинулась с места. Ни скульптура из камня — заказ от понтифика, ни ваяние из глины для заказчика в частную коллекцию не продвинулись ни на йоту.

Это было вдвойне неприятно: он любит свою работу, обожает творить. Да, возможно, как-то влияет на результат и расставание с любимой. Очевидно, она до конца не понимала и не смогла принять смысл его жизни. Ждала, возможно, чего-то большего, а не того, что он целыми днями пропадает в мастерской. И в один из дней вдруг заявила, что уходит, ибо устала ощущать себя малозначимой и какой-то второстепенной.

На такой выпад женщины он мог бы возразить и привести кучу доводов и аргументов о её важности и о том, насколько она ему дорога, но не стал. Досадно было в этой ситуации то, что она ушла с её новым кавалером. О, как! Значит, за его спиной она уже крутила роман. Ведь не за один же день Габриела решила поменять всю свою жизнь. А он всё это время гордо носил рога, восторгаясь своей второй половинкой, и бог знает насколько ветвистые.

Ну ушла и ушла. Зато его любимое дело осталось с ним — не уйдет и не предаст, не разлюбит. Камень и глина надёжнее людей. Они помнят прикосновения и не помнят обид. Они не упрекают, не вздыхают за спиной, не бросают в лицо скомканный чек из магазина, по которому не прошла скидка из-за небольшого опоздания на акцию. Теперь можно полностью посвятить себя творчеству: никто не будет торопить, вздыхать и охать за спиной, напоминая, что они опаздывают на распродажу — на ту самую, где снова купят что-нибудь ненужное, но со скидкой. Ну зачем в доме с десятком ночников? Которыми они вообще не пользуются? А, ну да, на каждый из них была скидка в пятьдесят процентов — что грех было не взять. А теперь это выглядит так, что они их коллекционируют. И ведь слова не скажешь поперёк. И он стоял, смотрел и молчал.

Теперь молчать было не нужно. В мастерской-тишина. Но эта тишина была другой, она не давила, но была какой-то пустой и поэтому раздражала.

Росарио изо дня в день подходил к своим ещё сырым работам, пытаясь завершить начатое, но инструменты валялись из рук. Он смотрел часами на скульптуру, в голове прокручивая все действия, но совсем без желания что-либо начинать. Время словно остановилось в этой

мастерской, где застыли не только скульптуры, но и душа их создателя, ищущего путь к самому себе.

Наконец, тяжело вздохнув, он решил сделать то, чего никогда раньше не делал в это время дня, и отправился в близлежащий кафетерий. Может, там удастся немного отвлечься и развеяться, и возможно, вдохновение вернётся к нему с прежним постоянством. Он привык досконально и скрупулёзно прорабатывать свои творения: взгляд, мысли, эмоции. Но с некоторых пор в его голове творился беспорядок, и он не мог сосредоточиться на работе.

После дождя было сыро и прохладно — самое то, немножко даже бодрит. С чувством притупленной горечи во рту подошёл к кафетерии и на дверях увидел фото. Голубоглазая, светло-русая, немного кучерявая девочка лет семи смотрела на него своим ангельски проникновенным взглядом.

Мужчина вздрогнул и напрягся, он- как творческая натура сильнее всех ощущал боль других. Волна гнева забушевала, поднимаясь вверх, грозя на своём пути смести все до основания. Захотелось крушить всё, что попадётся под руку. Ещё один ребёнок пропал. Уже седьмой за эти полгода. Какое чудовище может творить такое?

Нервно повернул ручку и толкнул дверь. Вошёл в заведение, стараясь успокоиться. Крохе всё равно уже не помочь, он лишь может помолиться за то, чтобы с ней ничего не случилось и она благополучно вернулась к своим родителям.

Сел за привычный ему столик у окна, заказал кофе и круассан. Чуть отпил и окинул взглядом помещение. Его взор остановился на юноше. Тот, очень сильно ерзая на кресле, пытался пить и одновременно что-то заучивать. Студент,- сделал правильный вывод наблюдатель. Вот бедолага, видать, готовится к экзамену в день его сдачи.

Взгляд скользнул дальше и остановился на другом, очень весёлом молодом человеке. Тот с кем-то беседовал на английском, на несколько секунд застыл, переваривая услышанное, а потом, веселясь и смеясь с небольшой запинкой, отвечал.

Да, беззаботная юность творит с людьми чудеса. Молодость не обременена тяжким грузом взрослых забот и смотрит на мир совсем иначе — легко, дерзко, с той беспечностью, которая бывает только в двадцать. У них всё ещё впереди: и взлёты, и падения, и ошибки, и победы. А пока они смеются — звонко, заразительно, не думая о завтрашнем дне. И этот задорный, беззаботный смех невольно проник в него тонкой нитью тепла, подняв настроение.

«А почему бы и нет?» — мелькнуло у него в голове.

Мужчина допил, не торопясь, свой кофе и уже в более приподнятом расположении духа вышел из кафетерия. Взгляд снова упал на фотографию пропавшей девочки — и настрой снова сбился.

За всё это время не нашли ни одного ребёнка. Они словно пропадали, а после — растворялись в воздухе. Большая часть родителей наняла детям провожатых, но это не спасало. Некоторых уводили прямо у матерей из-под носа.

Один из таких случаев попал на видео камеру в магазине. Стоило матери отвлечься на товар и завести разговор с продавцом, как вниманием её дочери тут же завладел человек в маске и одежде клоуна. Маска закрывала только верхнюю часть лица — лоб, глаза, нос, — а рот был в гриме, что позволяло передавать живые эмоции.

Клоун помахал девочке рукой, приветливо улыбнулся, достал из кармана большой леденец и вручил ребёнку, а следом за леденцом откуда-то из-за пазухи вытащил игрушку.

Окружающие тогда подумали, что родители сделали сюрприз своему ребёнку. Некоторые даже взяли идею на заметку: а что, гениально! У ребёнка день рождения, все поздравляют, дарят подарки — но всё это знакомые лица. Бабушка, дедушка, друзья, родители. А тут — бац! — подарок вне дома, да ещё от клоуна. Именинник даже не подозревает, что его что — то ожидает. Какие эмоции! У ребёнка сразу возникает вопрос: откуда клоун знает о его дне

рождения? А это - чудо и волшебство. То, во что ещё верят дети и что отрицают взрослые. Можно придумать сотню ответов и выстроить целый сюжет незабываемых воспоминаний.

Никто не мог предположить, что в этот момент перед ними разыгрывается страшная трагедия.

Клоун наклонился, что-то шепнул девочке на ухо. Та радостно кивнула, взяла его за руку, и они вместе вышли из магазина.

На поиски по горячим следам бросили все силы. Людей в одежде клоунов скручивали горожане, не дожидаясь полиции. Слишком эмоциональные даже наносили им побои и увечья, доставляли в участок уже в бессознательном состоянии.

Гнев людей не знал границ. Все были на взводе уже не первый месяц, и, получив небольшую зацепку, выплёскивали злость на тех, кто носит наряд клоуна. Сначала били, потом разбирались.

Так в тот день сильно пострадал студент, который действительно шёл на день рождения и подрабатывал аниматором. Парню просто не повезло: родители именинника заказали именно этот костюм. Ему сломали два ребра и выбили несколько зубов. И это после того, как его проверили двое полицейских.

Теперь все аниматоры, актёры и те, кто учится на эту профессию, попали под подозрение. Их допрашивали досконально: где был, с кем проводил время, что видел, что слышал. Проверяли алиби. Но всё было напрасно. Возможно, среди задержанных был и тот человек, но его не выявили.

В разгар страстей полиция была вынуждена обратиться к людям с экрана телевизора с просьбой держать себя в руках и не устраивать самосуд. Комиссар заверял всех, что отдел работает в усиленном режиме, проверено уже больше сотни аниматоров и ещё больше других подозрительных личностей. Структура делает всё возможное и невозможное.

Многие слушали его с надеждой на скорое разрешение дела. Другие — с раздражением и пренебрежением: «Если уж они работают в усиленном режиме, почему не найден ни один ребёнок и не арестован ни один фигурант? А раз нет результатов — значит, это только пустой треп».

Родители именинника поддерживали юношу как могли: посещали в больнице, выплатили компенсацию, оплатили лечение. И он всё же вручил подарок их сыну — прямо в больнице. И стал для мальчика героем, рассказав, как ему пришлось пробиваться сквозь толпу разъярённых эльфов, которые не любят дни рождения и праздники вообще и хотели ему помешать.

Лука смотрел на него широко раскрытыми глазами, полными восторга и восхищения. Ему захотелось быть похожим на этого парня: раскидать всех злых эльфов на своём пути и дойти, как он, до цели. Его детский мозг девятилетнего человечка уже рисовал живые картины препятствий и побед. По пути домой он вдруг заявил, что хочет начать заниматься каратэ.

Росарио вышел из кафе, взял на прокат скутер и выехал к морю. Он не купался, просто бродил вдоль берега по щиколотку в воде, разглядывая на телефоне фотографии людей на платформе для языкового обмена. В студенческие годы он уже общался на этой платформе, изучая английский. Так почему бы сейчас не повторить опыт и не проверить свои знания во французском?

Мимо с визгом пробежали дети, чуть обрызгали его нарочно водой, поглядывая краем глаза на реакцию взрослого. Но он даже не обратил внимания — детвора есть детвора, пусть резвятся.

Вытирая лицо от соленой воды, обронил взгляд на парня, который что-то высыпал из металлической банки из-под кофе в море, а потом принялся полоскать её в воде. Росарио сделал ему замечание. Тот немного смутился, извинился и покинул пляж.

Мужчина недовольно посмотрел ему вслед. Понятно, многие берут с собой еду, идут порой на весь день, но это не значит, что здесь можно мыть посуду и превращать пляж в посудомоечную машину.

Ещё чуть побродил, наслаждаясь прохладой от воды и свежим морским воздухом, и ближе к закату отправился обратно.

Летний лёгкий вечер чёрным журавлём опустился на город и закурлыкал, привнося в жилой массив свои правила. По его чуть заметному движению крыла застрекотали сверчки, зажужжала мошара, затихли птицы. Он словно дирижёр руководил большим оркестром, и каждый звук подчинялся ему. Модуляция шумного оживлённого дневного города сменилась более тихим и раскрепощённым звучанием. И под тихое звучание волн, которое теперь уже слышалось по всему вечернему городу, Палермо начал засыпать.

Среди множества фотографий на платформе он наконец выбрал себе собеседницу. Молодая женщина смотрела на него с экрана спокойным взглядом на фоне буйствующей природы за спиной. В её взгляде не было ни тревоги, ни страха — будто ураганы каждый день проходят рядом с ней, и это для неё обыденное дело. Либо она сама их вызывает с полным хладнокровием и управляет с присущей ей невозмутимостью.

«Стоп! — одёрнул себя мужчина. — Что-то воображение совсем разыгралось».

Коснулся профиля и написал письмо на французском.

— *Bonjour, parlons un peu en français.*

Мадам ответила тоже на французском. Как оказалось, она совершенно не знала итальянского и только-только начала его изучать, хотя сам Росарио в принципе настаивал на общении именно на этом языке. Возможно, поэтому она не слишком старалась проявить свои знания.

Он немного рассказал о себе и показался ей интересным собеседником. Их диалог затянулся. Луиза не критиковала его акцент и не поправляла в лоб, как делали некоторые, а внимательно выслушивала и, осторожно подбирая простые слова, пыталась поддержать беседу. А на другой день кидала ему видео — чуть ли не целый репортаж с правильным значением того слова, которое у него не получалось, употребляя его в разных вариациях. На её взгляд, это был самый лучший способ: так человеку понятнее, как правильно употреблять то или иное слово.

К тому же они оба оказались творческими натурами. Нет, Луиза Дюпон была на тот момент системным администратором, но умела отлично рисовать — это было её хобби. Она показала ему несколько своих картин, а он посоветовал не держать их дома, а выставить в музее или на аукционе.

Изо дня в день их общение набирало обороты. Они шутили по видеосвязи на разные темы. Луиза очень быстро привыкла к его лёгкому акценту, даже находила в нём какой-то своеобразный шарм. Он же поначалу видел её немного взбалмошной и сумасбродной, но со временем отметил ту искромётную искру юмора, которая могла сгладить все острые углы и растопить лёд.

Но потом он вдруг прекратил всякое общение.

Женщина, пару дней пробыв в недоумении, снова принялась изучать итальянский. По сути, изначально ситуация обстояла именно так: он хотел проверить свой уровень знаний, а она должна была ему в этом помочь. Но он мог бы просто поблагодарить и попрощаться, как делают все нормальные люди. Хотя о чём она — у творческих людей мышление настроено иначе. Уж ей ли не знать.

Она для себя уже поняла, что её уровень владения иностранным языком недостаточно высок, чтобы на данном этапе заводить с кем-то диалог, и ушла в самосовершенствование и дальнейшее изучение.

Она и не знала, и даже не предполагала, что Росарио сам был в полном смятении — отчего и прекратил общение.

Сама того не ведая, Луиза стала являться ему во снах именно тогда, когда он начал испытывать трудности в работе. Сначала он слышал её весёлый, непринуждённый смех, а потом, как мимолётное облачко, появлялась она. Говорила что-то на французском — часть слов он не мог понять, или они были ему незнакомы. Проплывала и растворялась, а вместе с ней исчезала вся тяжесть прожитого дня. Все его чакры раскрывались, и хотелось творить. Просыпался он как заново рождённый — лёгкость мысли позволяла работать так быстро, как только могли двигаться руки.

Про себя он прозвал её музой, но полностью довериться не решался — ещё кровоточила старая рана. Разумом он понимал, что не все женщины способны на предательство, но судьба свела его именно с такой. Он и не думал, что так быстро сможет открыться кому-то еще, и не пытался даже.

«Но почему это наваждение не проходит?» — мучил он себя вопросом без ответа.

А через некоторое время у него во Франции появился заказ на бюст Богородицы. Работа была серьёзной, но и хорошо оплачиваемой. Мужчина решил возобновить общение. Но не знал, как.

Его подъём в работе и появление заказа он связывал с началом общения с ней и боялся неумелым словом или действием всё разрушить. На серьёзные отношения он даже не рассчитывал — с чего бы? Она изрядно моложе него. Но и пускать всё на самотёк не хотелось. Это ведь не может помешать им быть просто друзьями.

Поэтому он просто написал: «Привет! Как дела? Как настроение?»

Луиза прочитала, чуть задумалась и ответила: «Настроение отличное. Ты как?»

Мужчина обрадовался: раз быстро ответила, значит, не сердится. Это очень хорошо. И написал, что едет по работе во Францию и хочет встретиться и пообщаться. Луч заходящего солнца заглянул в окно, скользнул по экрану смартфона, поймал блик - ударил в глаза. Мужчина зажмурился и твёрдо решил, что с этого дня его жизнь изменится в лучшую сторону.

Самолёт приземлился в аэропорту Шарль-де-Голль, и среди встречающих он увидел её. Был приятно обрадован, появился даже какой-то юношеский задор, энергии прибавилось. Сердце, непонятно отчего, забилось чаще. Он невольно выпрямился, расправил плечи и улыбнулся так искренне, как не улыбался уже давно.

Казалось, весь мир вокруг наполнился яркими красками, а воздух стал легче и свежее. Он поймал себя на мысли, что уже давно хочет ощутить аромат её духов и тела. Приблизившись к ней, игнорируя других встречающих, он по-дружески её приобнял и вдохнул полной грудью этот неповторимый запах, в котором смешивались нежные цветочные ноты и что-то неуловимо-собственное, принадлежащее только ей.

У него вдруг закружилась голова, унося мысли в его пылкую юность. Казалось, что с этим ароматом возвращались молодость, страсть и те чувства, которые он утратил после расставания с Габриель.

Мужчина немного оторопел и застыл, чуть смутив этим женщину. Та, едва зардевшись, вручила ему букет из сиреневых глициний и белых крокусов и пояснила, что на языке цветов это означает приветствие и тёплые чувства.

Росарио, поняв, что немного напортачил, уткнулся лицом в букет, вдохнул его аромат, а потом, поблагодарив и выразив восхищение букетом и самой Луизой, поспешил сгладить неловкий момент. Взял адрес у встречающих, куда ему нужно прибыть, отпустил их, сказав, что у него уже есть провожатый, и он сам придёт чуть позже.

И тут же, не сходя с места, рванул в карьер — пригласил её в ресторан. И лишь с одним условием: дорогу в это заведение показывает дама.

Луиза с энтузиазмом подхватила эту идею и сказала, что приехала на машине, а значит, у него теперь есть и личный водитель, и экскурсовод. Она тут же позвонила в заведение, где была частым посетителем, и зарезервировала столик.

В ресторане дама вежливо сказала сидящему напротив кавалеру на чисто французском:
— Bon appétit*.

— Bon appétit, — ответил гость совершенно без акцента, чем немало её удивил, и она поспешила похвалить его французский.

А после она отвезла его в гостиницу, немного рассказав об улицах Парижа, по которым им пришлось передвигаться. На следующий вечер они запланировали поход в Лувр. Но так как Росарио больше интересовали скульптуры, а её — картины, поход разбили на два вечера. Сначала они рассмотрят все скульптуры, потом картины.

Они ходили, увлечённо обсуждали искусство и делали фотографии на память. После посещения у них разгорелся жаркий спор по поводу скульптуры Микеланджело «Скованный раб».

Скульптура сама по себе очень выразительна. Рассматривая её с разных сторон, можно увидеть разнообразные нюансы, которые открываются именно с этого ракурса. При первом взгляде отчётливо заметно и ощущается бессилие тела, сохраняющего вертикальное положение только потому, что раб прикован. Движение откинутой головы назад красноречиво отражает мучительное страдание. Но по мере смены ракурса картина начинает меняться: тело словно пробуждается, наливается энергией и силой, мышцы растут, напрягаются. Напряжение достигает апогея — перед созерцателем уже не пленник, бессильно пребывающий в оковах, а могучий и крепкий воин в полном расцвете сил. В мощном движении его поднятой головы угадывается гордый вызов своему положению. Сила пленника столь колоссальна, а усилие настолько мощно, что путы вот-вот неминуемо разорвутся.

И тут Луиза сделала смелое предположение: этот раб не был изначально рабом, а был захвачен в плен при сражении или продан в рабство родителями за долги. Поэтому его нрав неукротим, и он всем своим нутром рвётся к свободе. Автор запечатлел тот момент как раз перед тем, как он разрывает путы и освобождает себя.

Росарио не согласился. Всё это лишь её фантазии и догадки. Раб останется рабом с его незавидной судьбой. Ведь в лице его навеки застыло безысходное страдание, а всё остальное — внутренняя борьба, которая в его положении ничего не изменит. И если бы Микеланджело хотел показать именно то, о чём говорит она, изобразил бы чуть надорванные путы. Но он этого не сделал. Поэтому скульптура отображает именно то, о чём поведал он, а не то, что сфантазировала она.

Они даже чуть не поссорились. Молодая женщина сказала, что он похож на циника и пессимиста вместе взятых, которые всё видят в тёмных тонах и не могут узреть что-то более яркое и хорошее.

Мужчина вздохнул и отступил. Она не эксперт и не специалист в этом вопросе и совсем не должна смотреть на это с точки зрения профессионала. Ему её интерпретация понравилась даже больше, чем есть на самом деле. Её взгляд на эту работу действительно привносит немного надежды, а с ней и какое-то светлое, не такое унылое и мрачное чувство. От такого видения становится легче на душе.

«Возможно, она с неординарным мышлением или типичный стопроцентный сангвиник, а потому оптимист», — подумал он про себя, не торопясь закрепляться в этом мнении.

Второй поход в Лувр стал не менее обсуждаемым за чашечкой чая. Предметом обсуждения стала картина Леонардо да Винчи «Мона Лиза». По общепринятой версии, на картине изображена жена флорентийского торговца тканями Лиза Герардини. Героиня сидит, повернувшись в сторону зрителя, и сложила руки, будто приготовилась внимательно его слушать. За её спиной — пейзаж. Принято считать, что женщина находится на балконе спиной к улице и лицом внутрь комнаты. И, разумеется, загадочно улыбается.

И здесь Луиза выдала свою версию. По её сюжету, женщина сидит не на балконе, а внутри комнаты. А за её спиной — не настоящий пейзаж, а картина, купленная на аукционе за басно-

словную сумму на день рождения мужа. Она уже сообщила ему, сколько потратила на подарок, но не сказала, что это за подарок. Теперь она смотрит на него и ждёт, как быстро он догадается.

Эта версия сначала озадачило мужчину, а чуть погодя он уже не мог сдержать смех. Он смеялся от души, забывая все свои горести, и не понимал: она действительно так думает, ломая все стереотипы, или делает это нарочно, видя его немного пришибленный вид?

Но в любом случае настроение у него улучшилось. Не осталось ни капли прежней горечи от расставания с Габриэль, и жизнь заиграла другими красками. Очевидно, ему как раз не хватало этого простого и раскрепощённого смеха.

И он вдруг понял, что окончательно пропал. Роль просто друга его уже не устроит. Мужчина решил на серьёзный шаг. Но сделать его нужно тоже по-серьёзному, а не с бухты-барахты. Он прикинул в уме все возможные варианты и приступил к реализации одного из них.

— А ты заметила, что у Моны Лизы на пальцах нет ни одного украшения? Как ты думаешь, с кольцом на персте она выглядела бы более эффектно и, наверное, менее загадочно?

— Например, вот такое? — ничего не подозревая, женщина указала на свою руку.

— А ну-ка! — Мужчина обрадовался, что первая попытка уже увенчалась успехом, и воспользовался ситуацией.

Он привстал, облокотился на стол, прижал телефон к руке во избежание колебаний, вывел ракурс и нажал на съёмку. Фото получилось идеальным: его рука легла вровень с её, и их пальцы почти соприкоснулись. Потом кольцо с экрана с помощью фотошопа перенёс на палец Джоконды и под радостный всплеск эмоций собеседницы прибрал мобильник в карман.

А на другой день у ювелира они уже определяли размер её кольца. Ещё несколько дней ушло на разработку дизайна, а там и на изготовление самого изделия. Дни потянулись вереницей дел и ожиданий. Работа в мастерской шла к завершению, его пребывание тоже. Он уже отчаялся, что не успеет получить вовремя свой заказ, но ювелир не подвёл, понимая всю щепетильность ситуации. Он отложил другие заказы и работал только с этим.

Перед отъездом на родину кавалер пригласил даму на прогулку на теплоходе по реке Сене. Они плыли, созерцая набережную с её пешеходными тротуарами, вдоль которых росли деревья. На фоне камней они смотрелись очень эффектно и величественно. Их кроны широко раскинули жёлто-зелёные ветви, стремясь спрятать от любопытных глаз древнюю архитектуру. А дома в свою очередь то застенчиво прятались, словно молодые девицы при появлении парней, то игриво выныривали, показывая лишь часть своего орнамента.

И только мосты открывались взору во всей своей красе, словно соревнуясь в изяществе, антикварности и раритетности. Каждый стремился показать свою архитектурную уникальность.

Даже новые мосты старались брать частички убранства от старинных, чтобы чуть-чуть походить на те, что хранят память глубокой старины.

С теплохода открылся совершенно особенный вид на Париж. Отсюда все достопримечательности виделись с необычного ракурса. Лувр заворожил величественными фасадами. Эйфелева башня поразила грандиозностью. Вечерняя прогулка по Сене превратилась в романтическое путешествие — город загорелся тысячами огней, знаменитые памятники предстали в новом таинственном свете. В воздухе заиграло волшебство, и к красоте архитектуры добавилась магическая атмосфера парижских улиц, отражающихся в чёрной глади реки.

— Как ты думаешь, — вдруг спросил Росарио, глядя на их отражение в воде, — они там будут счастливы вместе?

Он уже хотел пояснить, что вода — как зеркало души. Она видит и слышит многое и становится вечным хранителем чужих тайн. Вода не просто стихия, она как портал в другой параллельный мир, где их отражения уже появились и зажили своей жизнью.

Молодая женщина взглянула вниз, чуть задумалась, а потом, переведя взгляд на собеседника, ответила:

— Я думаю, они будут там очень счастливы.

Мужчина обрадовался — где-то в глубине души она допускает, что он может стать ей парой, и возраст здесь не помеха. Он погладил коробочку с кольцом в кармане, твёрдо решив, что сегодня сделает ей предложение.

— Милая, привет! — услышали они откуда-то сверху.

Подняли голову. На мосту с букетом белых роз стоял блондин, весело улыбаясь, послал Луизе воздушный поцелуй и бросил ей в руки букет.

— Я вас жду на берегу! — крикнул он и помахал рукой.

— Мой жених, — пояснила женщина.

И разочарование холодной волной прошло по всему телу. У неё есть жених. К тому же полная его противоположность — блондин и гладко выбрит. Возможно, такой типаж ей ближе к сердцу. Почему он об этом не подумал сразу? Она и не говорила о нём никогда. А хотя с чего бы? Он и не спрашивал.

Коробочка с кольцом осталась лежать в кармане немым укором, недосказанной фразой. Они поплыли дальше. А Диего остался на мосту — и вскоре исчез из виду.

В небольшой комнате при освещении тусклой лампы красного цвета, при перевёрнутых крестах на стене, горели свечи. При этом мерцающем свете выступал лидер группы. Его слушало с десятков братьев, абсолютно все в мантиях и масках на лицах — это неотъемлемое правило братства. Только новичок, хоть и был в рясе, но без маски, в связи с чем к нему было пристальное внимание.

Парень нервничал. Он пришёл сюда по приглашению для участия в мини-спектакле и уже получил деньги. Но уже проклинал тот момент, когда из-за нужды согласился принять сто евро и участвовать в этом «представлении». Ему объяснили, вручая приглашение, что это частный театр, который снимает на видео для заказчиков интересные миниатюры, и они не связаны ни с сексом, ни с порнографией. А он подходит по типуажу, и, возможно, его пригласят ещё не раз. Будучи студентом, он не будет испытывать нужды в деньгах.

По этому приглашению можно прихватить с собой товарища. Он захватил лучшего друга, который лежал сейчас без сознания после удара электрошокером в шею. Его руки и ноги уже крепко опутывали верёвки.

— Братья, мы собрались сегодня, — немного нервничая, говорил главный, — чтобы наказать отступников. Эти предатели напали на своего брата. Им нет прощения.

— Им нет прощения! — хором ответили присутствующие.

Один из отступников уже был мёртв, второй ранен и истекал кровью на алтаре для жертвоприношений. Он был испуган и зывал к Деве Марии, прося простить ему его грехи.

— Вы все будете гореть в аду! — истерично хрипел он. А потом вдруг испуганно таращил глаза и кричал: — Это чудовище! Это сам сатана! Это сам сатана!

Некоторые подумали, что он просто спятил. Другие из братьев смотрели на него с завистью. Ему удалось прикоснуться к тому, чего они могут только вообразить. Он воочию увидел того, кому они служат, но ни разу не видели, а лишь слышали. Но оказаться на его месте им совсем не прельщало.

Их господин велик и могущественен. Не зря же они все получают то, что хотят: кто богатство, кто карьерный рост, кто славу, а кто и всё вместе. А надо лишь раз в месяц или в два приносить жертву. Плата невелика для роскошной жизни.

Кармело Месерендини никогда не верил в реальное существование Сатаны. Он полагал, что это группа очень богатых повёрнутых и извращённых людей дёргает за верёвочки. Иначе как объяснить его стремительный карьерный рост? Да и за участие в ритуале всем участникам на карту переводят баснословную сумму.

Но вся беда в том, что, попав сюда однажды, покинуть эту организацию можно лишь через алтарь или при естественной смерти. Он не был фанатиком, как другие, и тяготился своим положением. Он тоже ломал голову над тем, как ему выйти из воды сухим и оставить всё в прошлом.

Поначалу подозревал лидера группы, думая, что тому известно многое. Но когда сам стал лидером, понял, что не всё так просто в этой организации. И счёт, с которого капали деньги, оказался офшорным. В общем, одни загадки и ни одной отгадки.

— Уго, ты пострадал от их деяний. Подойди сюда. Сегодня ты принесёшь его в жертву.

— Я не убийца, — огрызнулся парень, встал и демонстративно направился к выходу. В отличие от новичка, никто удерживать его не стал. Вслед лишь двинулся один из братьев, чтобы запереть дверь за уходящим.

«Вот сопляк», — зло подумал Кармело, представляющийся здесь как Педро для собственной безопасности. Знаменитый дорогостоящий адвокат не может провоцировать себя среди «братьев» даже своим истинным именем. Негоже, если кто-то из них начнёт догадываться о его личности. Он использовал вымышленное имя. Не хватало ещё, если кто-то вдруг окажется его клиентом и узнает в нём своего брата. Тогда придётся и в цене уступить, и из кожи вон вылезти, чтобы разрешить проблему в его пользу. А он такого шантажа терпеть не мог.

Поэтому по максимуму обезопасил себя. Специально научился немного менять голос и манеру речи. Пришлось попотеть и тренироваться около месяца, пока это не дошло до автоматизма. Так его настоящее имя не будет вызывать подозрений в быту и на работе.

Сам же имел большие подозрения насчёт Уго. Его не покидала мысль, что этот аутист как-то связан с кем-то из верхушки. Ведь это его жилище оборудовано под ритуальное пространство. А он сам мог уже быть на полпути в Милан, если бы не пришла смс: «Быть дома», а позже — и руководство к действию. Он планировал допросить парня, но эти двое, к счастью, его опередили.

И сегодня для него открылась иная истина — странная и не совсем понятная. Здесь в мистику не захочешь, но поверишь.

Адриано и Теодоро были братьями-близнецами и так же, как сегодняшние новички, попали в это место по приглашению. Тогда в жертву приносили шестилетнего мальчика по имени Марко. Его увели с детской площадки. Ребёнок плакал, звал маму и просил не делать ему больно, но взрослые в мантиях оказались глухи к его мольбам. Ему надрезали вены и тело в нескольких местах, чтобы как можно больше крови пролилось на алтарь. А потом братья, поняв, что их просто так отсюда не выпустят, взяли ритуальные ножи и по очереди воткнули в ослабленное, умирающее тело ребёнка. Адриано ударил в сердце, пытаясь быстрее прекратить муки мальчугана, а Теодоро полоснул по горлу. В придачу ко всему они получили маски.

Поначалу было мерзко и тошно, но на их карты упала до неприличия огромная сумма, и парни нашли в этом свой маленький триумф над бедственным положением нужды и безденежья. Неприятное чувство стало притупляться и уходить на второй план. Каждый из них увидел в таких суммах шанс на новую жизнь. Тем более что мальчуган пропал без следа, и опасения, что их могут поймать, быстро улетучились. А с этим пришла уверенность в безнаказанности.

Но беда была в том, что они были отпрысками глубоко набожной семьи. Поэтому как бы разум ни радовался богатой и беспечной жизни, душа зывала к искуплению и покаянию, к возможности очистить себя от тяжкого греха. Они мирились со своим положением до тех пор, пока один из них не стал отцом. И все эти деяния стали для них настолько омерзительны, что, видя себя в зеркале, они испытывали отвращение. Вот тогда они и решили положить конец этим бесчинствам, кто бы за этим ни стоял, и решили обезглавить организацию, а выяснить главаря решили через Уго.

Они пришли к нему домой, не переодеваясь и не закрывая лиц, но, поднявшись по лестнице, предусмотрительно закрыли дверь. И за чашкой чая завели разговор. Сначала Теодоро

со всем своим красноречием дал понять парню, что они его друзья и он всегда может на них положиться. Юноша был рад: у него с приюта не было друзей, кроме Винсенте, которого в отличие от него усыновили, и их связь прервалась. Он и здесь-то живёт один, а тут сразу два друга. И он в ответ сказал, что тоже готов им во всём помогать.

Мужчины переглянулись — разговор идёт в нужном им русле. Тогда Адриано решил закрепить результат и сообщил, что у него родился сын и он хочет доверить Уго самое дорогое, а именно — стать его ребёнку крёстным. Но без разрешения главного этого не сделать. Ведь у них совсем другое направление веры, но они хотят вернуться к Богу. Поэтому Уго должен помочь им устроить встречу с главой.

Но молодой человек бросил на парочку удивлённый взор и ответил, что он и сам не знает и совсем не понимает, почему братья обратились именно к нему. Это привело гостей в бешенство. Они не поверили ему и прибегли к пыткам. Хотя здесь уже не было алтаря, да и кресты висели в нормальном, свойственном их положению виде, найти, к чему привязать жертву, мужчины нашли без проблем. С кухни в комнату принесли стол, привязали к нему парня и с присущим им хладнокровием приступили к пытке. Адриано стал вгонять под ногти иглы, а в промежутке между криками жертвы и вдохами грозил пустить кровь и порезать на тонкие ленточки.

— Скажи ему, Уго, скажи, — шептал на ухо Теодоро, — иначе он запытает тебя до смерти, — и воткнул ему в ухо нож. Не глубоко, но так, чтобы было ощутимо, и провернул для усиления боли.

— Я ничего не знаю! Я ничего не знаю! — кричал истошно хозяин жилища. — Это ведь ваша вера, вы сами приходите сюда!

Мужчины нервничали, немало удивляясь упёртости парня, и продолжали его истязать. И даже не заметили, что в комнате появился кто-то ещё. Лёгкая тень стремительно метнулась к одному из них, и он оказался пригвождённым к каменной стене под самым потолком. В его голове успела лишь промелькнуть мысль: «Как? Откуда? Мы разве не закрыли дверь?» Он дёрнулся в предсмертных конвульсиях, захлёбываясь собственной кровью.

Второму повезло меньше. Чудовище схватило его за шею и как тряпичную куклу подняло в воздух, пронося к противоположной стене так легко, будто он ничего не весил. И тоже пригвоздило к стене одним ударом, но ударом не в сердце, как брата, а в плечевой сустав.

— Вы не достойны даже смотреть на меня, — прошипело существо, — не то что говорить со мной.

Мужчина был в ужасе и жмурился от боли, но мозг всё равно подмечал странные детали. Их двоих за один миг, как котят, раскидали по противоположным стенам, а Уго уже развязан. Парень стоял на коленях с трепетом, отбивая поклоны. Он трясся всем телом, словно боялся даже поднять глаза и увидеть что-то лишнее.

— Готовься к внеочередному собранию, Уго. Всё остальное предоставь Педро. У него сегодня выходной.

Сказал и исчез, прогнав по комнате поток воздуха. Парень в ответ издал вздох облегчения и прислонился лбом к полу. Так он простоял несколько минут, а потом встал, переводя дух. Доковылял до одного из крестов, прижимая ладонь к уху, открыл дверцу и с нажатием повернул одну из полок. Его жилище кардинально изменилось. Шкафы в форме креста медленно перевернулись, а из пола поднялся вверх алтарь, развернулся на пол-оборота и встал в нужное положение.

Искусственное окно на стене с нарисованным пейзажем загорелось тусклым красным светом. Осталось лишь зажечь свечи и приготовить ритуальные ножи.

Присутствующие не заставили себя долго ждать. Первыми пришли Альберто и Луиджи. Их хлебом не корми — только дай кого на жертвоприношение. Они-то и буквально отодрали от стены выжившего брата, теперь уже отступника, и водрузили его на алтарь. За ними пришёл

Сильвестро, который тут же встал на страже у главной двери, поджидая новичков. Именно ему сегодня выпала честь пополнить ряды братьев взамен уходящим. Он открыл засов и стал ожидать визитёров, приготовив для них мантии. Ведь им пока неизвестен тайный ход со всеми удобствами для переодевания.

Остальные подтянулись довольно быстро. И как только пришёл лидер группы, Сильвестро, отдав мантии новичкам, проводил их наверх. Сначала группу встретили перед входом в ритуальную с торжественной речью, а потом пропустили внутрь. И как только парни поняли, на какое представление они попали, то моментально попятнулись назад. Запах свежей крови вызывал рвоту, а осознание того, в чём им придётся участвовать, довело их до паники. Но сомкнутый за спиной ряд людей в мантиях и масках перекрыл путь отхода, а удар одного из них электрошокером в шею прекратил истерику и отрезвил по крайней мере одного из них. Так пропадают иллюзии о возможном неучастии.

Педро, как и все остальные, был удивлён увиденной картиной. Так пригвоздить человека к стене каким-то металлическим прутком — это же какой силой нужно обладать. Да и ростом выше среднего. Значит, тот, кто это сделал, должен выделяться среди массы людей. Он мысленно воссоздал образы всех людей, которых встречал или видел, но ни один не соответствовал искомой конфигурации. Не подходил под этот образ и Уго, даже если он проявит всю свою необузданную агрессию, учитывая его диагноз. Хотя он ни разу не наблюдал за ним никаких истерик — парень был всегда спокоен и тих.

«Да и чёрт с ним», — подумал он, понимая, что выходной у него уже испорчен, но взамен получит весомую сумму. Хотя сейчас с его социальным статусом и зарплатой не больно-то он и нуждался в дополнительных деньгах. И хоть его воспринимают как лидера, он такая же пешка, как и все остальные. Не имеющий права даже на свободное перемещение в свой выходной.

«Чертов аутист, кого он из себя тут корчит», — думал Кармело, провожая того взглядом. Можно было бы попробовать настоять и заставить его хотя бы поприсутствовать — ведь случившееся связано с ним. Но он не получал по поводу Уго никаких инструкций, поэтому не стал рисковать. А лишь подумал про себя: «А поёт-то как, соловьём заливается. Весь чистенький, не при делах. Ангел во плоти». Он уже хотел в сердцах брезгливо сплюнуть, но звук щелчка от замка прервал его мысли и направил к происходящей ситуации.

Уго покинул собрание. Он по сути никогда и не присутствовал при жертвоприношениях — всегда успевал уходить до прихода большого количества гостей. А Педро, глядя ему вслед, произнёс:

— Ну что же, дело твоё. В конце концов у нас здесь у каждого своя роль.

— Братья! — обратился он к присутствующим. — Сегодня мы столкнулись с предательством и должны наказать виновных.

— Накажем виновных во имя тёмного лорда! — хором отозвались присутствующие.

— Они нарушили самую первую и главную заповедь, — продолжал Педро. — Скажите мне, как она звучит?

— Никогда не искать встречи с тем, кому мы служим. Этим мы показываем неверие в его существование и подрываем доверие, показывая слабость в вере своей, — ответили бодро хором.

Этим он пролил свет на ситуацию и открыл некоторую часть причины вины бывших братьев.

— А скажите мне, что запрещено делать в четвёртом пункте по нашему небольшому списку правил?

— Не предавать и не наносить умышленно увечий своим братьям и сёстрам, — процитировал хор.

Всё встало на круги своя. Теперь аудитория не будет думать, что здесь царит хаос и беспорядок и что в жертву могут принести любого из них за просто так. А для поддержания порядка в

их многочисленных рядах это ой как много значит. Всё сейчас записывается на видео, и остальные члены могут посмотреть запись, если им будет интересно. Ну и соответственно, учитывая, что оступиться может каждый, есть и другие, не такие страшные наказания — всё зависит от тяжести проступка. За небольшой косяк могут запереть в «холодной», которая находится здесь же на первом этаже. Небольшая, но высокая комната с узким окном под потолком. В ней могут продержат два или три дня, лишив пищи и воды. Так сказать, для осознания и размышлений. И, как ни странно, нарушители, оставшись один на один со своими мыслями, очень быстро раскаивались и, признав ошибки, клялись больше их не совершать.

— Сатана, господин огня и пламени, владыка сердец, — начал читать лидер.

— Пусть сердце бьётся сильнее, — подхватил хор.

Новичок поёжился и напряжённо сглотнул, пытаясь убрать подкатывающий к горлу ком. Он мысленно молился Богу, чтобы про него забыли и дали уйти. Но молитвы были тщетны. За его спиной сомкнутый круг сатанистов, который не пропускал ни вперёд, ни назад, кроме, как только к алтарю.

— Никогда не предаст меня, не допустит слабости. Зажги в разуме моём огонь, сделай хитрым и изворотливым. Пусть пламя любви к тебе горит, не угасая. И пусть испепелён будет каждый, кто помешает мне в службе тебе. Будь моей дланью, согрей в трудный час! Ave Satanas! — закончил хор.

— О, бог тьмы! Прими нашу жертву! — произнёс Педро.

И Луиджи с сияющим от счастья лицом под маской полоснул того ножом вдоль рёбер. Ему льстило, что именно он накажет отступника, и он уже стремился показать всё своё рвение и умение. Чуть отступил, наблюдая за искривлённым от боли лицом жертвы. Другой брат наклонился над его лицом — его телосложение показалось ему незнакомым, а значит, он скорее всего из другой группы.

— Скажи им, Теодоро, скажи, — проговорил тихим, скрипучим голосом человек, лицо его под маской ухмыльнулось. Видя, как напрягаются мышцы жертвы и раскрываются в ужасе глаза.

— Ты... это ты! Кто ты? — с холодеющим от ужаса голосом прошептал мужчина.

Но лезвие ножа, прошедшее по горлу, оборвало его безысходный стон боли и сожаления.

— Брат, ну зачем ты так быстро его убил? — возмутился Луиджи. — Я его хотел подольше помучить.

— Извини, брат. Он и так уже был полуживой и долго бы не протянул. Ты бы не смог насладиться в полной мере и ублажить нашего господина. Поэтому я оставлю тебе более свежее мясо.

Он указал на очнувшегося новичка, который таращил в ужасе глаза, шепча какую-то молитву, и даже не замечал своего лучшего друга.

— Педро, я предлагаю оставить этого юношу на полное попечение Луиджи. Ты же не против? — обратился он к лидеру.

Педро внимательно вгляделся. Он ни разу не видел этого силуэта и не слышал подобного голоса. В его душе даже затеплилась надежда, что он нашёл того, кого искал, но, проанализировав, понял, что тот тоже не подходит под искомый им типаж. Вообще жертвы приносятся каждое воскресенье, и всегда в команде появляется кто-то из другой группы. Ведь даже он не каждое воскресенье бывает здесь. А это вообще внеочередное собрание, и пришли те, у кого выходной и кто оказался в непосредственной близости, чтобы экстренно прибыть на место. По его подсчётам, только рядовых членов набирается около ста человек и не меньше семи или восьми лидеров. А о заказчиках этих мероприятий остаётся только догадываться.

— Совсем не хочется идти домой посреди ночи. Жена подозрениями замучает, — проговорил инкогнито, врываясь в его мысли и напоминая всем, что на дворе уже вечер. Из-за отсутствия окон в жилище здесь совсем терялось чувство времени.

— Братья, давайте предоставим всё Луиджи. Пусть он новичками займётся, — не спросил, а скорее потребовал Педро. Его голос прозвучал как приказ, не терпящий возражений. И так как с лидером здесь спорить не допускалось — ибо он считался правой рукой самого князя тьмы, — все лишь кивнули в ответ.

Луиджи скинул с алтаря ещё не остывшее тело Теодоро и только сейчас обратил внимание, что крови на нём слишком мало: «Она куда-то утекает?» — отметил мозг, но мысль, не задерживаясь, улетучилась.

— Пойдите, — встрепнулся Джованни, пытаясь на данный момент спасти друга. — Мы согласны вступить в братство.

Короткий женский смех с издевкой оборвал его фразу. «Здесь есть женщины?! И чего она смеётся?!»

— Послушайте, мы согласны, — уже менее уверенно продолжил парень. — Скажи им, Клето, что мы согласны.

— Согласны, не согласны... Чтобы вступить к нам, нужно принести жертву. А где её взять? — с некоторым ехидством и насмешкой произнёс Луиджи. — Неужели ты хочешь, чтобы я сейчас принёс в жертву вон того покойника, — указал на висящего на стене, — или кого-то из моих братьев?

— Нет, нет, мы правда согласны. Мы в следующий раз, если что, всё сделаем как надо, — проговорил новичок, пытаясь выпутаться из ситуации. Следующего раза может и не быть. Главное — выбраться, а там можно заявить в полицию или уехать из этого города куда подальше.

— Опомнись, Джованни! Это же убийство. Бог никогда не простит нам такого греха. Да я лучше умру! — заявил Клето, приписав этими словами себе смертный приговор.

— Ну вот и определились, — обрадовался Луиджи и потер в предвкушении руки. — На алтарь его!

К парню потянулось несколько рук, срывая и срезая с него одежду, оставляя на теле лишь стильные трусы, которыми он с гордостью любовался, созерцая себя в зеркале — они действительно сидели на нём, производя какой-то невообразимый эффект сексуальности, и он чувствовал себя сошедшим с обложки модного журнала. Его водрузили на алтарь, крепко привязали за руки и ноги, и все снова вернулись на свои места.

Началось песнопение жертвоприношения, а слуга сатаны полоснул парня по ноге. Клето скривился от боли, но мужественно сдержался и не издал стона. А его палач, вообразив себя художником, стал вырезать на его теле разные символы и узоры. Ему хотелось угодить своему хозяину и помучить жертву подольше, чтобы она начала молить о пощаде. Но у него ничего не получалось — тот лишь морщился от боли. Хотя и эти гримасы вызывали у мучителя восторг. Но потом чувство радости сменилось недоумением, и он, остановившись, бросил на лицо парня недоуменный взгляд.

Клето перестал реагировать на боль, а его лицо просияло. Мерцание свечей сменил яркий свет, который видел лишь он, и его обдало приятным теплом. Сам Иисус протянул к нему свою руку и позвал за собой.

— Пойдём со мной, брат мой, — произнёс Он. — Я отведу тебя к нашему Отцу.

Райский сад как по волшебству придвинулся к нему и наполнил слух чудесным пением птиц. Виноградные лозы так и клонились к нему, побуждая сорвать хотя бы одну ягоду. И парень не удержался — сорвал, попробовал. Сладкий аромат разлился по рту, питая тело светлой и тёплой энергией.

— Я буду с Иисусом! — с восторгом произнёс он, ощущая во рту вкус ягоды, и посмотрел на мучителя лучезарным взглядом.

Луиджи отскочил и уронил нож. Так, по крайней мере, показалось окружающим. Но они не знали, какая боль сейчас мучает их брата: он не уронил, а бросил ритуальное орудие. Нож в его руке словно раскалился и обжёг ладонь. Глядя на свою руку, он видел обгоревшую ткань

мышц. Он не верил своим глазам и потёр её большим пальцем, понял, что кожа на месте, но боль не утихала. Его полное ужаса лицо скрыла маска, и эмоции утаились от окружающих. Но продолжать он уже не мог — неприятный холод прошёл по спине и закрался куда-то внутрь.

— Добей его! — злобно прорычал он, обращаясь к Джованни.

Тот послушно поднял с пола нож и трясущимися руками приставил его к груди, в область сердца.

— Э-э-э, не так, — протянул один из братьев. — Лезвие разверни параллельно рёбрам. Чего ты его поперёк расположил? Так не пробьёшь, сил не хватит.

Повернул, как посоветовали, и почувствовал, как оружие само, под тяжестью его рук, скользнуло в тело. С накатившим ужасом остановил давление и почувствовал стекающий по лбу холодный пот. Со страхом, пронизывающим всё тело и душу, посмотрел на друга и встретился с его спокойным, светящимся радостью взглядом.

— Смелее, — подбодрил он. — Я уйду с Иисусом. А ты попробуй прожить эту жизнь достойно.

От этих слов он уже было попятился назад, но чья-то женская рука легла сверху на его, и лезвие скользнуло вниз, нещадно впиваясь в тело и сердце, прерывая жизнь. Клето умер, но на его лице так и осталась лёгкая полуулыбка, а лицо светилось счастьем. Это оставило неизгладимый след на окружающих, порождая в душе не только Луиджи сомнение: а действительно ли онислужат тому господину?

— Всё, дело сделано, пора расходиться, — проговорил тихий скрипучий голос. — Я с вашего позволения уйду первым. — И направился к выходу.

Вслед за ним с интервалом в пять минут разошлись и другие. Кто уходил группой, ведь хорошо знающие друг друга братья узнавали своих знакомых и в масках, поэтому ничуть не таясь, смело покидали собрание всей компанией. Другие уходили поодиночке.

Уго сидел на лавочке около большого дерева и без энтузиазма отстукивал пальцами когда-то понравившуюся ему мелодию. Он устал, ему хотелось спать, но в его доме посторонние люди. И как вообще они к нему попадают? Он ведь даже не успел ещё открыть дверь, а возился с приготовлениями и не спускался вниз по лестничному проёму. Из земли, что ли, вырастают? И сегодняшний визит существа, так похожего на Энрико, — что это вообще? Если даже допустить, что у кого-то из них есть ключи, но он же не так давно на входную дверь приделал засов, который можно открыть только изнутри. Не значит ли это, что существо открыло дверь? Или оно просто ходит сквозь стены?

Захотелось всё бросить и убежать куда подальше и про всё забыть. Но он обещал своему хозяину не оставлять возложенную на него работу. Парень запутался в собственных мыслях и том, чего он хочет. Но одно знал точно: без хозяина он умрёт с голоду на улице. К таким, как он, окружающие относятся без жалости и с презрением, даже от дождя не дадут укрыться в том же кафетерии. Лишь Энрико добр к нему. Он зол и беспощаден к другим, но к Уго всегда снисходителен. Именно он подобрал его умирающего на улице и предоставил для жилья эти апартаменты с одним условием: никому и ничего не рассказывать о том, что там происходит, и содержать всё в порядке. А взамен у него будет крыша над головой и банковская карта, с которой он может тратить столько, сколько захочет. И парень тратил, заказывая себе еду из ресторана на завтрак, покупал вещи, какие хочется, даже не глядя на цену.

Вечер пронизывал синевой воздух, нанизывая на тёмное небо звёзды, освежая прохладой перегретую от солнечных лучей брусчатку. Завибрировал телефон, и юноша прочитал короткую фразу: «Спектакль окончен». Встал и медленно побрёл домой.

Он не понимал, почему его господин, будучи добрым к нему, позволяет этим людям творить зло и причинять боль другим. Чего плохого сделали ему те люди? Сегодня ему открылась некоторая истина: его хозяин не человек. Возможно ли, что он действительно сам Сатана?

Пусть его голос был немного рассержен и от этого звучал чуть по-другому, но это точно был он — Энрико Конте. Это для него все эти изверги приносят в жертву детей. Но почему тогда он добр с ним? Снова захотелось всё бросить и уйти, но если он уйдёт, кто же тогда похоронит несчастных? Кто им даст последний приют?

Нет, взрослые и подростки злые — их ему не жалко, а нынешних и подавно. Их он хоронить не будет. Просто высыплет где ни будь без всякого обряда, прямо на улице или вообще в мусорный бак. А вот другие заслуживают другого отношения.

Он не спеша добрался до дома, поднялся по лестнице и подошёл к алтарю, нажал на кнопку. Крышка жертвенника поехала в бок, открывая уже остывшую камеру для кремации, где лежал пепел от трёх человек. Взял металлическую банку из-под кофе, собрал весь пепел туда, закрыл крышкой и поставил на полку. Проверил и продул сопла и снова нажал на чуть заметную кнопку. Крышка вернулась на место.

Мучаемый сомнениями, парень терзал себя догадками. Нет, его хозяин сам по себе добрый человек, иначе бы он не стал спасать его от голодной смерти. Может, он сам рискует, находясь рядом с этим чудовищем? Хотя это чудовище спасло его от пыток. Не значит ли это теперь, что он его друг и не причинит вреда?

Сознание металось из крайности в крайность. Он нервно повернул рычаг-полку, и алтарь утонул в полу, а перевёрнутые шкафы в виде крестов приняли своё прежнее положение. Осталось дело за малым: нужно отмыть кровь. Но это уже завтра. А сейчас у него не осталось сил даже привести собственные мысли в порядок.

Ох уж этот сегодняшний день. Столько крови на стенах и полу — никогда раньше такого не было. Вызывает тошноту и даже отвращение. Парень бухнулся на кровать и забылся тяжёлым сном.

Ему снился Винсенте, обещавший писать, но не сдержавший слова. Он тыкал в него пальцем: «Ну debil, ну debil», — произносил он, крутя другим пальцем у виска, и под всеобщий гогот смеялся вместе со всеми. Но вдруг в эту серо-тёмную мглу хаоса и перемешанных лиц прорвался свет. И появилась она — пятилетняя Лючия, непонятно каким образом попавшая в их приют после отъезда Винсенте. Именно её он видел в цветных тонах, чётко различая даже цвет её светло-зелёных глаз. Розовое платье и красные туфельки с белыми гольфами придавали ей образ феи, и по волшебству её магической палочки никто не смел над ним смеяться и уж тем более издеваться в её присутствии. А она непонятно по каким причинам всегда ходила за Уго и называла его по только ей понятным мотивам братиком.

— Прекратите! — сурово сказала девочка, и окружающие затихли.

Это время было чудесным для него, но продлилось недолго. За Лючией приехали родственники из Аргентины. Девочка настаивала на том, чтобы уехать с Уго, и те даже сначала были не против, но, ознакомившись с его диагнозом, отказались от этой затеи. Ей и ему они сказали, что обязательно приедут за ним, но чуть попозже. И конечно, это была заведомая ложь, но ни Лючия, ни Уго этого не знали. И девочка отпустила руку мальчика и пошла с тётей и дядей.

Уго ждал и ждал напрасно. Полгода его не покидала вера в то, что за ним приедут, и он как-то высказался вслух, предположив, что Аргентина слишком далеко, поэтому до него добираться так долго. Окружающие подняли его на смех и, не щадя его чувств, высказали очевидную для всех вещь: он им не нужен и про него давно забыли, у Люции скорее всего уже есть другой, более умный брат. Ему наговорили кучу гадостей, и подросток не сдержался — разгромил вокруг себя всё и вся. Досталось и обидчикам: двоим он пробил голову, одному сломал руку деревянной битой. Разбил окно и покрушил мебель.

...Вот тогда в его личном деле и появилась эта злополучная запись, что он склонен к беспричинной агрессии. Потому что как потерпевшие, так и очевидцы этого инцидента все как

один уверяли, что не понимают, что на него нашло и почему он так разозлился. И его голос, одинокий и едва уловимый, растворился в многоголосом шуме лжи и обвинений.

Целый месяц он провёл в психиатрической лечебнице, попав в категорию непредсказуемо опасных. После этого его стали побаиваться и сторониться. Теперь уже его не задирали, как раньше, но это стало проблемой при трудоустройстве. Хозяин кафетерия, в который его трудоустроили сотрудники приюта, поспешил при первом же возможном случае уволить его от греха подальше, обвинив в воровстве. И даже не выплатил выходного пособия.

Пока ещё были деньги, Уго не унывал, но они быстро закончились, и он начал голодать. Парень пытался исправить положение, обивая пороги других похожих заведений, но везде получал отказ.

Уставшего и измождённого, уснувшего прямо на улице, его и подобрал Энрико Конте. Мужчина средних лет, в широкополой шляпе и тёмных очках, страдающий мизофобией, отчего на его руках, несмотря на жару, всегда были перчатки. Он угостил парня сэндвичем и предложил тайную работу церемониймейстера. Объяснил, что требуется от парня. И тот, испытывая ненависть ко всем и вся, охотно согласился.

А посему обрёл новый дом — пусть и небольшую квартиру на втором этаже и без окон, что было только плюсом: там всегда было прохладно, иногда даже приходилось разжигать камин. А к жилью у него появилась банковская карта с огромной суммой денег, которую он мог тратить на своё усмотрение. И сумма на этой карте никогда не уменьшалась, а из раза в раз становилась только больше.

Но потом, по количеству пепла на полу камеры, он стал догадываться, что в жертву приносят не только взрослых, но и детей. Энрико на его замечание отреагировал весьма спокойно и сказал, что в этом мире у каждого своя судьба и он не властен приказывать братьям, кого приносить в жертву. И Уго не надо над этим заморачиваться — ведь это совсем чужие ему люди. А дети не всегда будут детьми, со временем они вырастут и станут взрослыми и будут ненавидеть Уго так же, как и все остальные. Поэтому их и надо освободить от жизни, пока они не стали взрослыми. А сам Уго может подарить им последний приют, проведя любой ритуал для похорон.

Не согласиться с этой концепцией парень не мог, поэтому решил, что их пепел он будет высыпать в море на пляже, среди резвящихся детей, чтобы их души не знали печали и, не пытаясь стать взрослыми, испытывали лишь радость.

Утром он проснулся в уже чистой квартире и немало удивился. И плюс утвердился во мнении, что наличие даже засова на двери не спасает его от посещения жилища посторонними. Он позвонил Энрико, а тот каким-то образом сумел уверить его, что это сотрудник клининговой компании, который уже ждал его в жилище, а по окончании уборки ушёл, а Уго сам за ним закрыл дверь, но заснул и забыл. Говорил он это так убедительно, что юноша поверил и списал всё на свою забывчивость и пережитый стресс.

С исключением уборки появилось много свободного времени, и парень заказал столик в своём любимом ресторане. А так как он был завсегдатаем этого заведения, то место, куда он мог сесть, нашлось моментально. В заведении ко всему прочему в этот день в связи с юбилеем — ресторан отмечал сто двадцать пятый год с его основания — проводился конкурс. Нужно было с закрытыми глазами угадать блюдо, которое подадут. И к удивлению посетителей, и персонала он безошибочно угадал кушанье.

Уго помахал рукой, направив поток воздуха от яства к своему лицу, и, вдохнув аромат, произнёс:

— По-моему, это капоната. Сладко-кислое рагу из баклажанов, с сельдереем, оливками и каперсами. И ещё... — он чуть задержал дыхание, прислушиваясь к своим ощущениям, — чуть-чуть карамелизированный уксус и... кажется, кедровые орешки. Да, точно они. Я чувствую их лёгкий маслянистый оттенок.

Удивлённый официант наклонился и попытался заглянуть ему под маску, но никакой щели не обнаружил. Тогда он поддел блюдо вилкой, стараясь, чтобы все ингредиенты попали в рот за один заход, и стал внимательно смотреть на прожёвывающего пищу юношу.

Парень медленно прожевал, давая вкусу раскрыться полностью. На его губах появилась лёгкая, почти неуловимая улыбка — редкий гость на его лице.

— О, да, — выдохнул он с явным удовольствием. — Это бесспорно, несомненно она. Та самая капоната, которую я заказывал здесь в свой первый визит. Тогда я впервые почувствовал, что значит быть сытым и счастливым. Этот вкус — он как воспоминание о доме, которого у меня никогда не было.

Зал заплодировал. Кто-то крикнул «браво!», кто-то одобрительно засвистел. Победитель получил десятипроцентную скидку на обеды в течение года. А ещё его эффектное фото поместили на стенд почётных посетителей ресторана. Парень был горд собой — наконец-то он смог удивить и поразить изрядное количество людей. Вокруг шумели, рукоплескали и кричали, и всё это посвящалось именно ему.

Луиджи нервничал. Он был вне себя от захлестнувшей его ярости и непонимания собственного состояния. Чтобы немного развеяться, дошёл до автостоянки и сел в машину.

Ему нравилась быстрая езда — она бодрила и всегда поднимала настроение. Сейчас хотелось ехать далеко и без остановки. Для этого на острове и предназначена дорога по кольцевой вдоль всего побережья. Ночная магистраль уже пуста, и здесь можно отдать волю чувствам.

Он надавил на газ и всем нутром ощутил, как машина начала стремительно набирать скорость. Отлично. Сейчас он прокатится, и всё в его жизни наладится.

Снова посмотрел на ладонь. Кожа в норме, но почему горит и болит так, будто в руке побывала раскалённая до бела кочерга?

«Стоп. А может, это какой-то химический ожог? Возможно, рукоять ножа была чем-то обработана. Кто-то из братьев решил меня разыграть или вообще устранить?»

Чтобы убедиться и утвердиться в своём предположении, он поднёс ладонь к носу и медленно, глубоко вдохнул, пытаясь почувствовать каждую ноту аромата. Разочарованно вздохнул — не уловил ничего лишнего, лишь собственный запах кожи. Ничего постороннего. И с некоторым облегчением, но всё же раздосадованный, опустил руку на руль.

Неприятно быть кем-то отравленным. А главное — за что? Там все свои, одно дело, одно направление. Эти смешанные чувства не давали полностью отдаться дороге и насладиться скоростью.

— Зачем ты меня убил? — услышал он вопрос, направленный в его сторону. — Моя мама теперь плачет, и мне очень жалко свою мамочку.

Повернул голову и на соседнем сиденье увидел голубоглазую, с немного волнистыми волосами, светло-русую девочку.

— Она теперь всегда плачет, — вздохнул ребёнок, — и папа тоже. Мне от этого грустно. Так почему?

Девчушка заглянула в его глаза проникновенным взглядом и словно коснулась далёких уголков его души.

Парень выругался, а затем помотал головой. Он спит? Нет, он не засыпал за рулём. Бросил взгляд на сиденье — никого. Напряжённо выдохнул.

Замотался он сегодня — всякая ерунда мерещится. Но не успел он додумать эту мысль, как встречный яркий свет надвинулся на него.

«Ага, не один я такой ночной ездок», — мелькнуло в голове с ожиданием, что сейчас машина проедет и свет пропадёт. Но не тут-то было. Свет заполнил всю машину, казалось, он был даже под сиденьем и исходил отовсюду.

— Я уже с Христом в раю, а тебе туда путь закрыт, — проговорил парень с алтаря, надвигаясь своим лицом на лицо собеседника. Он говорил радостно, спокойно и без страдания, а из его глаз лучился свет безграничного счастья.

Водитель зажмурился и опустил голову.

Его машина на полной скорости пробила ограждение и полетела вниз. Волны бушующего от шторма моря приняли её и забросали, как щепку, унося всё дальше и дальше от берега. Словно малые дети, не поделившие меж собой новую игрушку.

«Вот чёрт!» — выругался сатанист, совсем забыв, что им так ругаться запрещено.

Надежда на то, что ему удастся выбраться, не покидала его. Он, помня инструкцию по спасению из тонущей машины, стремился строго её соблюсти. Подождал, когда воды наберётся по шею, глубоко вдохнул, задержал дыхание. Он хороший пловец, и задержать дыхание на три-четыре минуты для него не проблема — значит, успех обеспечен.

Толкнул дверь, впуская море в машину. Вспомнил, что не отстегнул ремень безопасности, нажал на блокатор, освободился, ухватился за край и с силой толкнул себя наружу.

Но волны бушующего моря тоже имели на его счёт свои планы. Им хотелось поиграть — им было весело. Одна из них сильным встречным ударом швырнула его обратно, захлопнув дверь. Машина стремительно пошла ко дну — её больше ничего не держало на поверхности.

Лёгкие обожгла солёная вода, и жертву окружила холодная, непроглядная тьма.

— Сатана, мой господин, помоги мне! — вскричал Луиджи, даже не понимая, что его тело уже мертво и он останется здесь навеки.

Паника и отчаяние охватили его, и он забился в истерике.

— Не понимаю я людей, — со вздохом произнёс Тёмный Лорд своему приятелю. — Сначала всё делают, чтобы попасть сюда, а потом, когда Бог отдаёт их мне, почему-то впадают в отчаяние.

— Да, люди — те существа, которые не понимают своих желаний и не задумываются в большинстве своем о последствиях своих действий. Мне пойти и объяснить ему, что двигаться вперёд могут лишь те, кто смог сохранить в себе хотя бы маленькую толику того света, вложенного в них при рождении нашим Творцом? Остальные же так и останутся в этой холодной и промозглой тьме?

— Не нужно, — резко ответил Сатана. — Он мне неприятен. Из-за его действий Архангел Михаил теперь меня даже на семь вёрст не подпустит к краю границ наших миров. Мне теперь даже пения птиц не услышать. Не то что полюбоваться рассветом.

Его тень растворилась в сгущающемся мраке тоски, грусти и сожалений.

Аэропорт Шарль-де-Голль встретил гостя уже без прежней радости. Чувство разочарования не покидало его последние дни. Но своим провожатым он не показывал вида. Лишь несколько раз оценивающе посмотрел на Диего. Ухажёр показался ему немного заносчивым и ненадёжным ещё с первого момента их общения, и он лишь проверил своё впечатление — оно, к сожалению, не изменилось.

Ему хотелось его осадить и упредить от ненужных будущих действий. В голове он уже проговорил: «Смотри, обидишь её — я с тобой разберусь». Но вслух этой фразы так и не произнёс, считая себя ещё не очень весомым человеком её окружения. Он улетит, а они останутся. Кто его знает, чего он там себе может напридумывать, а эта неосторожно брошенная фраза их рассорит. Тогда он и сам преподнесёт себя не с лучшей стороны.

Снова сжал в кармане коробочку с кольцом. Если бы знать наверняка, что он ей тоже симпатичен. Но эти дни им даже нормально поговорить не удалось — Диего то и дело вертелся рядом и полностью переключил всё внимание на себя. Ну, оно понятно: он самец и охраняет

свою территорию. Здесь, наверное, он бы и сам вёл себя также. Хотя нет — не вёл бы. Он привык доверять своей партнёрше и не быть надзирателем.

Вот оппонент как раз эти дни вёл себя как надзиратель, выражая беспочвенные подозрения. Сложный и скользкий тип. Непонятно — это из-за большой любви или он так тешит своё эго и ублажает самолюбие? Ведь когда мужчина любит, его глаза излучают тепло. А в глазах Диего он сумел увидеть лишь холодный расчёт. Таким взглядом обычно смотрят перекупщики на товар, высчитывая в уме прибыль от его продажи.

В общем, впечатление не из приятных. Жизненный опыт подсказывал, что их отношения по вине парня не продлятся долго и обречены на провал. Но вроде как у них уже запланирована свадьба. Возможно, его опыт сейчас его обманывает, ибо ему из-за своих чувств хочется так думать.

Но если вдруг это так, он согласен подождать хоть год, хоть два, а то и три. В общем, столько, сколько надо. Главное — не прерывать общение.

С такими мыслями самолёт оторвал его от земли и поднял в небо.

Мастерская встретила его привычным полумраком и запахом влажной глины. Воздух здесь был густым, осевшим, будто само время застыло между стенами, покрытыми известковой пылью. Солнечные лучи пробивались сквозь узкое окно под потолком и выхватывали из темноты то торс незаконченной статуи, то угол стола с разбросанными инструментами.

Росарио остановился на пороге и глубоко вдохнул. Пахло мрамором, деревом, глиной и чем-то ещё — тем самым особенным запахом, который бывает только в старых мастерских, где руки прикасаются к камню десятилетиями. Ничто не изменилось с его отъезда. Резцы лежали на своих местах, кусок мрамора ждал своего часа, на подоконнике стояла наполовину опустошённая чашка с давно остывшим чаем.

Мужчина подошёл к рабочему столу, молча положил коробочку с кольцом на одну из полок для статуэток. Кольцо так и осталось лежать в бархатном ложе — он не стал его открывать. Не сейчас.

Провёл ладонью по поверхности стола, стряхивая сухую глиняную крошку, и на мгновение замер. Руки сами тянулись к материалу. Пальцы помнили каждое движение, каждое прикосновение к камню. И хотя душа всё ещё ныла от недавнего разочарования, где-то глубоко внутри зажглась искра.

Он взял свежий кусок глины, сжал его в ладонях и закрыл глаза. Перед внутренним взором возникла она — Луиза. Не та, что стояла с Диего на мосту. А та, что смеялась в Лувре, указывая на Мону Лизу. Та, что беззаботно выдумывала нелепые версии картин, заставляя его смеяться до колик в животе.

Рука начала двигаться сама.

Из-под его пальцев рождалось лицо. Плавные линии скул, лёгкий наклон головы, волосы, слегка прикрывающие виски. Он работал молча, сосредоточенно, не замечая времени. Глина поддавалась охотно, словно сама хотела принять этот образ.

Через несколько часов на столе стояла статуэтка — женщина в лёгкой накидке, чуть прикрывающей голову, с глазами, излучавшими умиротворение и спокойствие. Она была похожа на Луизу. Нет, это была именно она — но...

...отдалённо напоминающая старину. Если бы она жила тысячу лет назад, она была бы несомненно именно такой. Заворожённо задумчивой и красивой.

Росарио отступил на шаг, скрестил руки на груди и долго смотрел на свою работу.

— Что ж, — произнёс он для себя. — По крайней мере, здесь ты останешься со мной.

В мастерской стало тихо. Только где-то за окном слышался далёкий шум Палермо — вечернего, живого, равнодушного. А в комнате с запахом глины и пыли стояла она. В глине. Воплощённая. Навсегда.

Натали поедала большую порцию безлактозного мороженого с вишнёвым ликёром, посыпанного орехами. Да, сейчас она может позволить себе всё, что только пожелает. Дорогую вещь, дорогую машину и любое мороженое в любом количестве, о котором мечтала в детстве, но так и не смогла попробовать. Вкусно поесть — её любимое занятие. Это всегда дарит наслаждение и полноту жизни.

Но только не сегодня.

Какой-то червь поселился у неё внутри, недалеко от сердца, и неприятно точил тело, отчего было совсем скверно. «Нет, так дело не пойдёт», — думала она про себя. — «Надо что-то делать».

Ну почему, почему он улыбался? Ведь жизнь навсегда покинула его тело. Чему он так радовался даже после смерти? А этот свет, окутавший его тело?

Натали встряхнула головой, прерывая неприятные мысли и образы. Не хватало ещё ей загрустить по этому случаю. Она молода и богата. Да если она захочет, покорит весь мир, а ухажёры штабелями будут падать около её ног. У неё есть всё, о чём большая часть из них лишь мечтает.

Наивные. Думают, она не замечает, как с волнением смотрят на неё, когда на свидании она заказывает себе самое дорогое блюдо и напиток, и молятся про себя, лишь бы она на этом остановилась и не заказала ещё что-то. Даже не подозревая, что её это забавляет и она просто развлекается.

Нет, каждый из них, конечно, может сбежать, не заплатив. Но на её практике такой случай был лишь однажды. Другие платили, но больше чем на несколько свиданий их не хватало — они исчезали, ничего не объяснив, даже не выходя на связь. И лишь один признался вслух, что не сможет удовлетворить её потребности и не будет иметь возможности обеспечивать её на том уровне, на котором хочет она. И был очень шокирован её громким, с небольшой издевкой смехом, сопровождающимся надменным и холодным взглядом.

Ну а чего он хотел? Обещаний, что она пересмотрит свои предпочтения и начнёт ходить с ним по дешёвым кафе или заказывать блюда подешевле? Вот уж нет. Она у себя одна, и если ухажёр не может дать ей больше, чем может дать она сама себе, то он просто гусеница под её ногами, не более того. Ведь если она начнёт экономить и ходить по дешёвым кафе, покупать дешёвые вещи, то станет посмешищем для Греты. А та на правах лучшей подруги не упустит случая съязвить на этот счёт.

Было время, когда она считала и экономила каждую копейку, работая оператором на почте. Деньги, которые скопили для неё приёмные родители, она растратила за три месяца, уйдя в отрыв по своему разумению взрослой жизни. Покупала всё, что стоило дорого: платья, серёжки, колъе, кольца. Питалась только в дорогих ресторанах и даже не заметила, как на её счету кончились деньги. А ей так хотелось продолжать этот увлекательный эпизод своей жизни.

Но зарплаты катастрофически не хватало. Мало того, она постоянно получала нарекания из-за своего несдержанного характера — хамила клиентам, а те в свою очередь жаловались на качество её работы. И она впала в депрессию. Грета предложила ей бросить такую работу, а это означало остаться совсем без средств. И девушка нервничала и раздражалась всё больше.

Её жалобы на нехватку денег коллеги высмеяли и посоветовали найти себе богатого — нет, не просто богатого, а очень зажиточного жениха, которого она с её запросами разорит года за два.

— А чего, — произнесла с издевкой одна, — сначала он накупит ей всего без меры, а потом, когда его деньги закончатся, они на пару начнут продавать драгоценности.

— Ну да, — подхватила вторая. — Сначала кольцо, потом серёжки, а под конец — цепочку с шеи. И будет вспоминать, как он её дарил.

Все засмеялись. Громко, искренне, от души.

Натали смотрела на них молча. Потом на её губах появилась улыбка. Сухая, без эмоций. Дежурная.

С этого дня она перестала с ними обедать. Перестала отвечать на вопросы. Перестала здороваться. Она не замкнулась в себе — она замкнулась в своей ненависти. И эта ненависть росла каждый день.

Теперь она обедала только с Элен. Лишь она оставалась той, с кем Натали проводила время без неприязни.

Но как-то их с Элен пригласили поучаствовать в спектакле. После чего коллега, в то время всё ещё являвшаяся её подругой, бесследно исчезла, а Натали разбогатела и уволилась с работы.

Девушка гордилась собой. Она всего лишь один раз замарала свои руки, когда приносила в жертву свою напарницу. Всё остальное время она ловко манипулировала окружающими и была лишь наблюдателем. Ну или в крайнем случае корректировала чьи-то действия.

Надо, сказать спасибо приёмной мамочке, которая была психологом. В связи с этим у дочери была возможность прочитать и изучить кучу книг по психологии. И всё, что ей и Грете показалось очень полезным, она запомнила назубок. А потом стала применять на практике. Сначала на одноклассниках и младших соседских детях, а после переключилась и на приёмных родителей. Но здесь её умения дали сбой, и вместо желаемого она получила более строгий надзор и трёхдневное наказание — проведение в собственной комнате без права её покидания.

Чудаки. Когда второй этаж был преградой для подростка? Днём она просто спала, а ночью спускалась по простыне и со своей воображаемой подругой, которая появилась у неё в неполные одиннадцать лет, бродила по ночному городу. Подружка была не такая, как окружающие. Она никогда грубо не критиковала, а наоборот, больше восторгалась Натали и называла её гением. А когда кто-то раздражал Натали, Грета всегда говорила: «Ну и рожа, так и хочется ей врезать».

Но драки не проходили бесследно. Натали иногда, как исполнителю, доставалось тоже, и тогда она просила об этом Грету, но та всегда отвечала, что она выше этого. А после ко всему прочему были разборки и наказания от родителей.

То, что это проблемный ребёнок, супружеская чета знала. Они были третьей семьёй, которая решила удочерить девочку. Предыдущие две не справились с такой эмоциональной нагрузкой и отказались, сдав её обратно в приют. Вся беда была в том, что девочка лишь раз, живя в первой приёмной семье после того, как в автокатастрофе погибли её родители, обмолвилась о своей подруге.

Старшеклассница небрежно пихнула Натали в коридоре на перемене и не извинилась. А та в ответ, по настоянию Греты, измазала её кабинку краской и была застукана на завершающем этапе.

— Как вообще такое могло прийти тебе в голову? — возмущалась мама.

— Это не я придумала, это Грета, — ответила, потупив взор, девочка.

— Что ещё за Грета? Насколько мне известно, в вашем классе нет учащейся с таким именем. Где она живёт?

— Я не знаю. Спроси у неё сама, она же рядом находится. Скажи ей, Грета! — произнесла девочка, повернув голову туда, где, по её разумению, стояла подруга.

Приёмная мама ужаснулась и вместо того, чтобы обратиться к психотерапевту, строго сказала, что она уже большая, чтобы всё спихивать на вымышленных друзей, и должна признавать свою вину и отвечать за свои поступки сама. А если она до сих пор имеет вымышленного друга, то ей место не в семье, а в психбольнице.

После этого Натали ни разу больше не упоминала Грету. Это был их маленький секрет. Теперь всё, чему учила её Грета, Натали брала на себя и, не имея представления, как объяснить «свои» поступки, просто говорила:

— Ненавижу вас.

Это сбивало взрослых с толку, и выяснения отношений на этом заканчивались. И Натали ликовала. Она вот так просто решила проблему одной фразой. Да она гений. И снова оказывалась в приюте. И понимала, утвердившись в одной мысли: она ненавидит всех.

А вот чета Марино на такой выпад всегда продолжала диалог.

— Ненавидишь?! — удивлённо и оскорблённо спрашивала Джиневра. — И за что же это? Поясни!

Натали терялась, а Грета накидывала варианты.

— Скажи, что она страшная и рожа у неё отвратительная.

— Ты страшная и отвратительная, — злобно бросала Натали.

— Я?! — шокировано произносила женщина, и её брови невольно ползли вверх.

— А хоть и так, — продолжала она, выдохнув. — Но я о тебе забочусь. Я стараюсь для тебя, готовлю, обстирываю. И знаешь что? За всё, что ты получаешь от нас, ты не имеешь права так говорить. А ты сейчас оскорбила меня до глубины души. И не только меня, но и Стефано. Он сутками напролёт работает в саду, чтобы побаловать нас свежими фруктами. И вообще, внешние качества — даже уродство — не повод ненавидеть человека. И как ты с таким настроением собираешься жить и заводить друзей?

Натали ждала порки и уже корила Грету за её озлобленность. И когда она вообще стала такой? Поначалу она помогала скрашивать одиночество и разделяла её тоску о потере родителей. А что теперь?

Но потом она сделала не малоутешительный вывод: эти родители тоже временные, ненадолго. И скоро она снова окажется в приюте. А значит, не стоит к ним привязываться.

— Ненавижу, ненавижу, ненавижу, — шептала, зажмурившись, девочка.

— А я вот тебе что скажу, — проговорила, тяжело вздыхая, женщина. — Иди-ка ты в свою комнату и останешься сегодня без ужина. А утром спросишь у своего желудка, так ли ему ненавистна наша еда, что была приготовлена с таким старанием для тебя в том числе.

И Натали ушла в свою комнату с искренним желанием помириться с родителями утром.

Джиневра провожала её испытующе-суровым взглядом, а Стефано мямл в руках ремень и время от времени шлёпал им себя по ноге.

В их шестьдесят с небольшим лет это был уже пятый приёмный ребёнок. И, признаться честно, ещё не было такого, чего бы они не смогли преодолеть и не наладить контакт. Бог не дал им иметь своих детей, но они смогли дать родительскую заботу другим — несчастным и осиротевшим чадам.

И пусть их дети не хватали звёзд с неба, учитывая их проблематику — ведь они брали тех, от кого отказывались другие, — но абсолютно все получили образование и стали достойными членами общества.

Самый старший, Алонзо, был их большой гордостью. Он стал мотористом и служил на сухогрузе, был на хорошем счету у капитана. Они как-то даже получили благодарность от руководства компании, которой принадлежало судно, где описывались его личностные качества и исполнительность. Сам же он на этот счёт отшучивался и ничего не рассказывал. Один раз лишь обмолвился, что их судно попало в серьёзный шторм и получило повреждения, к тому же выбыл из строя механик, вот ему и пришлось немного подсуетиться и взять на себя работы чуть больше, чем обычно. Но родители понимали всю серьёзность ситуации — ведь тогда пропало три сухогруза — и ещё больше гордились сыном оттого, что он очень скромен и не тщеславен.

Он часто звонил и присылал им открытки из разных городов, в которых говорил о своей сыновьей любви. Тот ещё романтик. А будучи в отпуске, катал их на их общей небольшой яхте, над которой корпел около года, доводя до ума. Тогда он брал на себя всё управление, чтобы родители, не отвлекаясь, могли насладиться бескрайним простором вселенной и порыбачить в своё удовольствие.

Второй была девочка Росанна. Она стала кардиологом и работала в частной клинике в Милане. Знакомые, узнав, кем работает их дочь, проникались уважением и не скупились на похвалу о том, каких достойных детей они взрастили и воспитали.

Потом были братья-близнецы Вико и Лучано, которых они усыновили уже подростками. Отпетые хулиганы с задержкой речи и лексическим запасом не более двадцати слов. Но и с ними им удалось наладить отношения. И пусть они не закончили университета и работали охранниками в супермаркете — это был большой плюс и великая победа. От прежних беспредельщиков и бунтарей не осталось и следа, а речь стала чёткой и грамотной — такой, какой могут позавидовать даже некоторые политики, выступающие с экрана телевизора.

После близнецов супружеская пара хотела остановиться. Ведь уже и силы, и годы не те, да и внуки уже есть. Переключить заботу хотя бы частично на них — это тоже счастье. А главное, это их внуки, которых воспитывают их дети по их подобию и примеру.

Но позвонили из приюта и попросили помочь девочке. И они не смогли отказаться.

— Ох, задать бы ей ремня, — кипит от негодования и разделяя слова, произнёс Стефано. Седовласый, но всё ещё держащий ровно осанку сухопарый старик. Его антрацитовые глаза излучали еле сдерживаемый гнев. — Как, ну как она могла назвать всю радость его жизни страшной и отвратительной? — его негодованию не было конца, но он был не из тех, кто поднимает руку на ребёнка.

Джиневера в ответ тяжело вздохнула и невольно посмотрелась в зеркало. «Неужели и правда я настолько стала страшной?» И для себя подметила, что, конечно, она не молода, как раньше, но и страшной несколько не стала. Красота её ничуть не угасла, а, словно хорошее вино, приобрела особую глубину. Морщины, испещрившие лицо, не портили облик — напротив, они казались следами прожитой жизни, полной радостей и испытаний. Взгляд её серебряных глаз остался всё так же ясным и живым.

Выдохнув, произнесла:

— Дорогой, давай наберёмся терпения. Мы не знаем, что ей пришлось пережить в предыдущих семьях. Бедная девочка, родители погибли на её глазах. Как это должно быть тяжело. У неё наверняка осталась глубокая травма.

А про себя подумала: «Ну надо же, как же она умеет задеть за живое. И я даже на миг поверила ей. И как я могла так попасть под её влияние? Не просто с ней придётся. Похоже, я теряю хватку».

И здесь бы ей отступить, но в женщине выиграла профессиональная гордость.

— Не знаю, что там насчёт травмы, но так вести себя в тринадцать лет... Ты не считаешь, что это перебор?

Луч закатного солнца упал на край стола, словно приветствуя жителей этого дома. Но солнце поглотила туча, и он исчез. Женщина смахнула с поверхности последние крошки от трапезы и принялась мыть посуду.

— Попробую завтра провести с ней тест, а там посмотрим, что делать. Да, были у нас с тобой проблемные дети, но Натали — это что-то другое. Она словно бесёнок. Уж и не знаю, смогу ли я в таком возрасте наставить её на путь истинный. Но прежде чем лепить из неё что-то, надо сначала, чтобы она почувствовала и поняла тот факт, что мы на её стороне, что бы ни случилось.

Девочка в свою очередь тоже времени даром не теряла — всё думала и гадала, как лучше поступить. Ей хотелось иметь свой отдельный от всех угол, чтобы никто не мешал и не вторгался в их с Гретой пространство. А эта комната на втором этаже ей очень приглянулась. В её окно можно было даже уловить последние лучи заходящего солнца и видеть, как небо окрашивается розовым перламутром, а облака переливаются от розового до фиолетового. И никто не пытается её толкнуть или пихнуть, пусть и нечаянно, и не лезет с глупыми расспросами. Здесь она может вдоволь наговориться с Гретой о чём только пожелает.

— Послушай, — предложила она тихо. — Может, мы всё-таки попробуем остаться здесь? Мне совсем не хочется обратно в приют. Мне комната нравится, просторная.

— Только мебель отвратительная, — фыркнула Грета. — Меня это раздражает. Я не хочу здесь находиться.

— Хорошо. Я попрошу их поменять эту мебель на другую. И если они не согласятся, то мы покинем этот дом, — немного приуныв, ответила Натали.

— Ты покинешь, — заметила собеседница. — Я-то здесь не живу.

Открыла окно и скинула вниз завязанную к батарее простыню.

— Пока, подружка, — помахала рукой на прощание и спустилась вниз на тротуар. И бодро пошла по погружённому в сумерки городу.

Ей смотрели вслед полные восторга с примесью лёгкой зависти глаза. Она делает всё, что ей вздумается, и никто ей не указ. А ещё она смелая — может по простыне спуститься со второго этажа. А вот сама Натали боится высоты. Но со временем она преодолеет свой страх. Обязательно преодолеет.

За завтраком девочка озвучила своё желание. Но прежде ей пришлось извиняться.

— Мебель?! — немного задумчиво, но с интересом произнёс Стефано, словно уже что-то решил для себя. В его глазах блеснул огонёк сдержанного восторга. Он кашлянул, прочищая гортань, и взглянул на свою пассию безысходным взглядом, словно говоря: «Это не моя затея, но мне придётся за неё взяться».

— Ладно, ладно, — махнула рукой, сдаваясь, женщина. — Можешь опять запустить свой цех. Только смотри, знай меру, не изнури себя работой.

Мужчина удалился, а через некоторое время принёс и отдал девочке в руки несколько каталогов — как резной, так и простой мебели.

— Вот, просмотри и выбери себе какую хочешь. А я пока цех к работе подготовлю, да станки посмотрю, всё ли в порядке.

Произнёс он как-то нежно, словно речь шла не о бездушном оборудовании, а о ребёнке. Да, было дело. Работал его цех в своё время бесперебойно. Столяр-краснодеревщик, имея в помощниках всего одного напарника, изготавливал мебель по спецзаказам — как люкс, так и элитный сегмент.

Несколько дней подружки листали каталоги и даже успели поспорить, что, где и как должно быть. И наконец выбрали то, что нравилось обоим. А именно — красное дерево с позолотой, близкое к стилю Луи Мажорея, но уже на более современный лад. Мастер закупил нужную фурнитуру и материал, сделал эскиз, а после принялся за работу.

Хотя тест был тревожным и Джиневра крайне пристально и внимательно всматривалась в девочку, пытаясь увидеть проблему, которая ускользала от опытного глаза психолога, она так и не смогла разглядеть то, что её тревожило. Сама же девочка стала более покладистой и уступчивой. Начала много читать и частенько заходить в мини-цех, наблюдая за работой приёмного отца. И мужчина был рад. На фоне изготовления мебели они смогли сблизиться. Глаза уже плохо видели, но руки помнили всё. Изготовив часть элемента мебели, он гордо говорил:

— А ну-ка, дочь, посмотри. Всё ли тут нормально?

И, поймав её довольный взгляд, улыбался в ответ, а потом, подмигнув своему отражению в зеркале, качал головой: мол, знай наших, — и продолжал работу. Он надеялся передать свой опыт детям. Но те не проявили к этому ремеслу интереса. Теперь оставалась надежда только на внуков. Успеет ли? — переживал старик. Старшему из них всего три года, а у него проблемы с сердцем. Но он был не из тех, кто впадает в уныние, поэтому частенько представлял, как его старшенький будет работать в этом цеху и делать всё даже лучше него.

Мебель была готова через месяц и заменила ту, что стояла в комнате. Девочка ходила, задрав нос, представляя себя принцессой. Теперь-то все в классе будут завидовать её убран-

ству. Она прямо-таки слышала их восхищённые возгласы и вздохи — такой эксклюзив элитного сегмента. И действительно, обстановка в комнате не оставляла равнодушным никого, и Натали это нравилось. Она из раза в раз искала повод и какую-нибудь ненавязчивую причину пригласить к себе в гости кого-то из класса, кто ещё не был у неё, чтобы только насладиться их реакцией.

Вообще она любила внимание. Обожала, когда на неё смотрят не с сожалением и жалостью, а с нескрываемой завистью. Ведь она достойна всего самого лучшего. Поэтому она тянулась ко всему самому дорогому — будь то вещь или блюдо. В джелатерии она просила самую большую и дорогую порцию и не одну, но родители смотрели на неё с удивлением и говорили, что в неё столько не влезет, а если и влезет, то она обязательно заболеет. И, несмотря на все её протесты, брали меньшую порцию.

Это оскорбляло и злило и Натали, и Грету, которая начала называть их скупердяями и постоянно, при возможности, не упускала случая заметить девочке, что родители на ней экономят, омрачая радость от поедания десерта и ношения новой одежды. И подростка стало сильно раздражать то, что они всегда решают за неё, что и за какие деньги покупать. Претензия вместе с ненавистью поселилась в душе, подпитываемая недовольством лучшей подруги. И снова между ними стала расти пропасть неверия и отчуждённости.

Был, правда, случай. В день её рождения они уступили капризу и купили то, что она просила. И очень удивились, когда она не стала есть вторую порцию, сказав, что уже наелась. И правда, столько в неё бы не влезло. Но вторая порция была совсем не для неё — для Греты. Знала об этом лишь Натали.

Но Натали этого факта словно не замечала, и их конфликт разгорался все больше и напряжение между ними нарастало. Она считала так: «Раз вы не считаетесь с моими желаниями, значит, и я вправе поступать наперекор вам».

Девочка забросила учёбу и еле-еле закончила нижнюю ступень средней школы, после чего изъявила желание поступить на курсы программирования и разработки ПО. Но и там с горем пополам продержалась всего полтора года и была отчислена за неуспеваемость. В связи с чем Стефано обратился к своему бывшему клиенту, и по его протекции её взяли на почту оператором отделения. Но и там она проработала недолго, а почувствовав, на её взгляд, лёгкие и большие деньги, уволилась оттуда.

Родители узнали об увольнении случайно. Позвонили на почту — узнать, как дела, — а там ответили, что Натали больше не работает. Сначала Джиневра решила, что это ошибка. Потом — что это недоразумение. А потом позвонила Натали.

— Привет, родная. Ты совсем о нас забыла, в гости не заходишь. А знаешь что? Я пиццу готовлю. Приходи-ка ты сегодня к нам.

Вечером Натали пришла. С порога — тишина. Ни приветствия, ни вопроса, как прошёл день. Только Стефано сидел в кресле с газетой, которая не читалась, и Джиневра на кухне накрывала на стол.

— Натали, — начала Джиневра, вытирая руки о полотенце. — Мы должны знать, где ты работаешь.

— Послушайте, я уже взрослая. Хватит мне докучать.

— Я так и знала, — подлила масла в огонь Грета. — Они не просто так тебя пригласили. Видать, прознали, что на почте ты уже не работаешь. Не давай им спуска, подруга. Я наверх, подожду тебя в твоей комнате. Не могу смотреть на этих гиперопекающих.

— Вы меня своей опекой уже достали. Она вот уже где у меня, — Натали красноречиво провела прямой ладошкой у горла. — Но раз вам так уж очень интересно — скажу. Я нашла работу по душе и нисколько об этом не жалею. Мы отыгрываем мини-спектакли. Для богатых людей. И поверьте мне, там очень неплохо платят. Вам не о чем переживать.

— Официально, — уточнил Стефано, не поднимая глаз от газеты. — Нам важно, чтобы это было официально.

Натали медленно сняла куртку, повесила на крючок у двери. В её движениях не было ни раздражения, ни страха. Только холодная, почти скупающая вежливость.

— Хорошо, — сказала она. — Как-нибудь я вас приглашу на один из них. Посмотрите сами, убедитесь.

— Когда и куда? — Джиневра нахмурилась. В её голове возникли непотребные мысли: никто в здравом уме не станет платить большие деньги за миниатюру, если она не содержит в себе порнографии или насилия. Но дочь говорила спокойно, открыто — и она оставила это мнение при себе. Не стала озвучивать. Не стала мучить её ещё и подозрениями.

— На спектакль. Только не забудьте: там будут очень богатые люди. И они не любят, когда их беспокоят. Поэтому мне надо обсудить всё с руководством, прежде чем вас приглашать. Нужно зарезервировать для вас зрительные места, а это не так-то просто, — на ходу выдумала девушка. — Нет, отчего же! Можно в принципе нанять актёров, арендовать зал-студию и сделать представление именно для них. Ну и зрителям, конечно, придётся заплатить, чтобы изображали из себя важных особ.

Она поднялась по лестнице в свою комнату, закрыла дверь и села на кровать. В голове уже зрел план. Но Грета тут же обрубилась эту идею на корню.

— Подруга, да ты с ума сошла! Это же большие траты. А если они начнут пробивать студию по адресу, ты об этом не подумала? Мой совет тебе — избавься от них. И побыстрее.

Натали посидела, немного поразмышляла, взвесила всё за и против и поняла: Грета была права. Нанимать актёров, как изначально хотела она, — глупо. Слишком дорого. Слишком рискованно. Если им понравится, они будут ходить постоянно, и она просто разорится на наёмных зрителях и актёрах. Если нет — подозрения только усилятся.

Но если она приведёт жертву в это воскресенье — а не просто будет присутствовать и петь, — она получит в три раза больше, чем другие. А в данном случае — раз в десять, ведь жертвы-то две. И избавится от них навсегда. От обоих. От их ложной заботы. От их контроля. От их «официально».

Она достала телефон. Набрала сообщение секретным языком. Коротко: «В воскресенье правлю бал».

Отправила. И улыбнулась — на этот раз искренне.

— Ну чего ты там? — позвала Джиневра. — Чай стынет.

Девушка спустилась, не показывая вида, как её здесь всё раздражает. А вот пиццу умяла за обе щеки. Сухо поблагодарила и снова скрылась в своей комнате, которую любила по-настоящему.

— Натали, ты чудовище! Ты чудовище! — говорила, задыхаясь от негодования, Джиневра, стоя на коленях у истекающего кровью Стефано. — Это твоя благодарность за то, что мы посвятили тебе часть нашей жизни и взрастили тебя как собственную дочь?

Она безошибочно определила её среди людей, скрывающихся под масками и мантиями, и смотрела на неё, пытаясь заглянуть в глаза. Женщина поняла, что это их конец и она не сможет спасти ни себя, ни мужа. Поэтому до последнего держала его за руку, стоя на коленях у алтаря. Она поддерживала его и призывала быть сильным, просила прощения за то, что за всё это время не смогла распознать угрозу. И когда он сжимал руку, реагируя на боль, она крепче сцепляла свою с его, покрывая поцелуями и слезами.

— Скажи, что мы сделали не так, — снова обратилась она к Натали. — Мы ведь тебя любили. Почему ты так поступаешь? Нет, ты не наша дочь. Ты демон, занявший место нашей девочки. Да покарают тебя боги!

Жизнь постепенно уходила из мужчины, и женщина тоже слабела на глазах. И умерли они в одно мгновение. Стефано — от потери крови, а Джиневра — от того, что её сердце разорвалось от горя и переживаний.

А когда всё закончилось, Натали вдруг ощутила на себе тяжёлые взгляды присутствующих. Даже маски не скрыли искажённые гримасой отвращения лица. Чувство крайней неприязни пропитало воздух, делая его плотным и непригодным для дыхания. Им было тошно, противно стоять рядом с ней. Один вдруг произнёс:

— Не желаю видеть тебя в своей группе. Ты слышишь? Ты мне противна и омерзительна.

И все, словно он высказал мысль каждого, поспешили к выходу, обходя её, словно боялись чем-то заразиться от случайного прикосновения. Остался лишь один — Луиджи.

— Может, пояснишь, почему ты с ними так? Это ведь твои родители? — задал он вопрос, не скрывая любопытства.

Он был поражён, но в его взгляде не было ненависти. Он получил удовольствие, мучая жертву, и считал дурным тоном проявлять негативные чувства к тому, кто обеспечил его развлечением. Но для себя он знал: лично он никогда бы не привёл своих родителей — ни приёмных, ни родных. Хотя и от тех, и от других ему крепко доставалось из-за его садистических наклонностей. Он считал себя в этом деле докой и был уверен, что никто не переплюнет его в этом умении, и гордился собой. А тут особь женского пола сделала то, на что у него кишка тонка. Это немного поражало и моментами даже восхищало.

Вышли они вместе и отправились в джелатерию. Заняли дальний столик в углу, в стороне от всех, и там девушка посвятила его в подробности: идею подсказала Грета. Она взяла весомую порцию мороженого и поставила на стол напротив пустующего стула.

Парень, выслушал всю историю и разочарованно заметил, что девушка просто вольтанутая — и это ещё мягко сказано.

— Ты чокнутая, — сказал он, откидываясь на спинку стула и вынимая десертную ложку изо рта — Серьёзно. — помахал ложкой будто утверждая свою мысль, — Я много кого видел, но ты... — он покачал головой и усмехнулся. — Ты вообще без тормозов.

Натали не обиделась. Она привыкла к таким реакциям. Она даже ждала их.

— И что? — спросила она, отправляя в рот порцию мороженого. — Это плохо?

— Это... — он помолчал, подбирая слово. — Особенно. Ты особенная. Я таких не встречал.

Она улыбнулась — одними губами.

— Ты тоже. Мало кто понимает, что такое — идти до конца.

Он зачерпнул ложечкой прохладное мороженное, посмотрел на неё поверх стеклянного стаканчика.

— Слушай. Я тебе одну вещь скажу. Если ты хочешь открыто иметь большие деньги — тебе нужна фирма. Что-то типа отмывочной. Потому что тратить много — это привлекать внимание. Налоговая, знаешь ли, не дремлет.

— Хм, — утвердительно качнула головой собеседница, полностью соглашаясь с изложенным и проглатывая порцию которая таяла во рту. — А у меня кстати уже есть мысль, как поставлять детей. Тихо, без шума. Половину работы я уже сделала.

Он замер. Потом медленно поставил руку с ложкой на стол.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— И что тебя останавливает?

Она впервые за всю беседу отвела взгляд.

— Братья. Они меня теперь ненавидят. После того, что я сделала. В их лицах столько презрения, что... — она замолчала, не договорив.

Луиджи хмыкнул.

— А, вот оно что. — Он наклонился чуть вперед, и на его лице появилась та самая улыбка — хищная, довольная. — Слушай. Если ты возьмёшь меня в долю — я решу твою проблему. В следующее воскресенье. И больше ни одна собака, — он обвёл рукой зал, словно показывая на всё братство, — не посмеет даже зарычать в твою сторону.

Натали смотрела на него. Долго. Потом кивнула.

— Идёт.

Парень поднял руку, подзывая официанта и заказал три коктейля.

- Это надо отметить,- пояснил он.

Поднял бокал.

— За партнёрство.

Она подняла свой. Они чокнулись. А потом он повернулся к пустому стулу рядом с Натали и поднял бокал снова.

— И за тебя, Грета. Ты ведь тоже здесь.

Для него это несложная игра. И не важно, что он её не видит, главное — её видит его новоиспеченная подруга.

- А и кстати. Чуть не забыл. Скоро обнаружат пропажу твоих родителей и будет очень много вопросов именно к тебе. Так не лучше ли сделать так, что они погибли при несчастном случае? Утонули, например.

- Хорошая мысль,- согласилась Натали, она покачала указательным пальцем около лица и тут же подумала про яхту.

К закрытию заведения они уже разговаривали как стародавние приятели и обменивались остротами в адрес друг друга.

— К чему же мы придём? — спрашивал окружающих Луиджи. — Если будем осуждать и презирать того, кто больше нас на деле, а не на словах любит нашего господина? Мы должны брать с неё пример. И я бы тоже привёл сюда без всяких сомнений своих родителей и отдал бы их без колебания на волю нашему тёмному лорду, будь у меня такая возможность. Но увы... — Он многозначительно помолчал и продолжил. — Поэтому я лишь могу восхищаться той, кто смогла в полной мере отобразить мои желания в действии.

Парень, который высказал вслух своё негодование, был тут же скручен рядом стоящими — ещё не так давно бывшими на его стороне братьями, поспешившими сгладить свою прошлую оплошность. Лидер, понимая свой недогляд и боясь быть разоблачённым в своих мыслях и желании выйти из организации, поспешил перехватить инициативу у Луиджи и тоже с энтузиазмом заявил, что да, брат прав. Но не он один заметил нотки сомнения в своих собратях. Он, как старший, размышлял над этим всё это время и решал, как поступить с провинившимся.

Народ загудел. Натали стали обступать и хлопать по плечу в знак одобрения, выражая восхищение, давая понять, что они очень, ну очень поражены и покорены ею. Все, словно сговорившись, вдруг решили: виновный здесь только один — тот, кто высказал своё мнение вслух.

— И вот я думаю, что двадцать ударов хлыстом с него будет достаточно. У кого-то может быть другое мнение?

Но присутствующие одобрительно закивали и единогласно решили, что этого будет достаточно.

Один из братьев спустился вниз и принёс оттуда короткий хлыст, которым понукают лошадей при верховой езде. Брата раздели и положили животом на алтарь. Тот даже не пытался отнекиваться, поражаясь в душе, какая метаморфоза произошла с людьми, и радуясь, что он ещё легко отделался. Плеть вручили Натали. Но та, ударив один раз, поняла, что её удары слишком слабы. А ей хотелось видеть как можно больше - мучений и крови, слышать как можно больше стонов и криков своего обидчика. Ведь это месть. И это её месть. А другие после этого пусть десять раз подумают, прежде чем кидать в её сторону пренебрежительные взгляды.

Поэтому она повернулась к Луиджи и с лёгким поклоном, как дань уважения, протянула плеть ему.

— Я думаю, у моего брата это лучше получится. Я совсем не умею пользоваться этим инструментом.

И лёгкая ухмылка в ожидании красочного зрелища коснулась её лица. Теперь пусть только кто-то ещё попробует вылить на неё свой негатив — она накажет его своим карающим мечом в лицо своего поклонника.

И представление началось. Но удовольствие от этого зрелища получали лишь двое, точнее трое: Натали, Грета и Луиджи. Даже Альберто в этот момент был не в своей тарелке и всячески пытался скрыть смущение. Ведь до этого момента он был на стороне этого парня, а теперь его незавидная участь немного пугала. Ему казалось, что все вокруг замечают его состояние, и это только усиливало неловкость. Его движения стали дёргаными, он то и дело поглядывал на часы, теребя край мантии. Ему хотелось уйти и как можно быстрее, сославшись на неотложное дело или плохое самочувствие, но страх оказаться следующим на алтаре заставлял оставаться на месте и петь песнопение вместе со всеми.

Мысль, что теперь могут потребовать привести для жертвы родных, сводила его с ума. Нет, ему нравилось приносить жертвы и мучить других — это доставляло ему какую-то дикую радость и наслаждение. Но то чужие для него люди, к ним он не испытывает ни любви, ни жалости. А вот родители — совсем другое дело. За них он готов убить самого бога. До него наконец дошло, в какую яму он угодил.

Луиджи легко рассуждать — его родители уже на том свете, ему нечем жертвовать. Так зачем же подставлять других? Они же с недавних пор являются приятелями. Неужели он испытает ту же радость, замучив до смерти и его родителей?

Его тревожные мысли развеял голос лидера.

— Мы сейчас не призываем вас приводить сюда своих близких. Но непочтительное отношение и осуждение тех, кто это сделал, считается неприемлемым в этом братстве. Здесь каждый может выказать свою любовь Сатане тем способом, каким считает нужным. И мы должны лишь порадоваться за такого члена нашего общества.

Альберто оторвался от мыслей и понял, что экзекуция уже закончена. Их брат, жмурясь от боли, надел одежду, которая тут же пропиталась кровью. Он поспешил вниз за более плотным куском ткани и бинтами, пытаясь хоть как-то загладить свою вину по безучастию к этому случаю. Можно было попробовать хотя бы уменьшить количество ударов до пяти или хотя бы десяти, приведя некоторые аргументы. Но на тот момент красноречие покинуло его, и голову занимали другие мысли, а эти пришли только теперь, с некоторым запозданием. И чтобы как-то успокоить совесть, он решил перебинтовать раны пострадавшему.

Позже принялись уже за настоящее жертвоприношение, происходящее по привычному для всех ритуалу. Воздух наполнился ароматом благовоний, а приглушённый свет от мерцающих свечей создал таинственную атмосферу. Красный свет от лампы наполнил помещение мистикой. Его багровые отблески играли на масках участников ритуала, создавая причудливые тени и искажая черты.

Пронизывая воздух зловещим оттенком страха, ужаса и боли, неминуемой кончины кого-то и потери чего-то неосязаемого, но очень важного.

В комнате ниже этажом, в кресле, в расслабленном состоянии сидел человек. Он безмятежно смотрел на древний кубок на столе, который наполнялся свежей кровью. Вот она — власть над людьми. Не нужно никуда ходить — всё принесут и дадут сами.

Он вспоминал тот случай, когда впервые в его руках оказался этот антикварный раритет и в предвкушении вкусного обеда выпустил клыки. Да, было время. Выживать приходилось очень тяжело. Он часто голодал и был на грани смерти от ран, нанесённых разъярённой толпой.

Именно тогда, ещё три тысячи лет назад, на последнем издыхании заполз в руины какого-то храма. Его преследователи даже не догадались обыскать то место, искренне полагая, что такое чудовище, как он, просто не в состоянии находиться пусть и в когда-то, но священном месте. Но там, где не осталось бога, там уже и не сохранилось святости. Да и сам храм, как оказалось, не был святым — в нём молились Апофису. Но откуда это было знать его преследователям.

И он уполз глубже под развалины, где пытался дышать полной грудью, залечивая раны. Поедая крыс, возвращал своей обгоревшей вместе с мясом коже прежний вид, а с этим возвращались его пусть и не титанические, но человеческие силы. Там, в одном из проходов, он и обнаружил этот кубок из чистого золота.

Но прогресс не стоял на месте. С современными защитными кремами, линзами и очками у него появилась возможность появляться на людях и днём, надев на голову широкополую шляпу. К тому же за эти три тысячи лет он стал владельцем крупных предприятий и корпораций по всему миру. Деньги текли рекой, и теперь он мог, сидя за столиком в кафе, просто потягивать крепкий кофе и наблюдать за людьми. С некоторыми даже заводил разговор о науке или искусстве, поражая оппонентов своими знаниями. Имел несколько десятков имён и фамилий. Позволял себе иногда, ради развлечения, заказать одного из собеседников.

И безошибочно определял того, кто, разбившись в лепёшку, приводил ему этот «обед». Таковы люди — они жадны и алчны, а ещё ленивы и безжалостны. У каждого есть свои рычаги воздействия и цена. И самое главное здесь — занять себе в услужении парочку фанатов с садистическими наклонностями, таких как Луиджи и Альберто. Они всё сделают за тебя и будут пристально следить за окружением и рьяно выявлять ненадёжных. Как лидеры они очень горячи и безрассудны, а вот как инструмент воздействия на самих лидеров подходили идеально. Они сами, не понимая того, были примером для других собратьев и поддерживали моральный дух организации.

Но и они не должны были владеть всей информацией, поэтому участники кровопролития совершенно не знали и не понимали, куда деваются трупы. Некоторые из них поначалу задумывались, но со временем даже переставали думать об этом. А это придавало организации мистики и чувство безнаказанности за убийство — по причине исчезновения тел без всякого следа.

Больше всего ценились такие люди, как Уго. Немного озлобленные на окружающих и абсолютно никому не нужные, с диагнозом, узнав о котором их переставали принимать всерьёз. Такими управлять легко, и они верны как собаки, если проявить к ним доброту и заботу, считаясь с некоторыми их желаниями. Ввести в заблуждение таких тоже не составляет труда. Вот они — очень важный винтик этого механизма, который оберегался с особой осторожностью. И каждому из членов общества было строжайше запрещено выказывать к нему неуважение. Приходившие в его дом братья кланялись ему как господину, если вдруг он не успевал покинуть своё жилище до их прихода. Это льстило парню, в это время он чувствовал себя очень важным и весомым человеком.

Натали радовалась — ей удалось завершить вторую половину своего замысла. Она нашла компромат на педагога и сделала предложение: либо скандал и, возможно, тюрьма, либо деньги и защита. Ей очень хотелось порадовать своего друга. Они приведут на жертвоприношение девочку одиннадцати лет из приёмной общины. Которой уже заранее врач за умеренную плату выписал справку о смерти, а педагог за такую же невеликую плату подобрала ребёнка, родители которой не смогут даже быть на похоронах. Соответственно, Натали оставалась в большом плюсе. И раз уж Луиджи напросился в компаньоны, она надеялась, что он разделит с ней эти расходы. Ведь педагог пообещала сообщать, если появится в их заведении ребёнок с подобной историей. А это значит, что им не надо рыскать по улице и искать жертв — им позвонят и устроят всё за них. А они смогут делать вид, что занимаются честным бизнесом, продавая друг

другу предметы искусства за большие деньги, которые по большому счёту они делали сами. Сложно ли вообще нанести на холст три-четыре мазка чёрного или красного цвета, отдавшись абстрактному настроению? А провести скромную церемонию похорон в закрытом гробу — так вообще не составляет никаких проблем.

Но Луиджи не отвечал, поэтому поедание мороженого никак не приносило так ожидаемого наслаждения. Она снова набрала его номер, но он опять оказался вне сети. Раздражение обуревало её, и она нервно стучала пальцами по столу. Размышляя над тем, стоит ли уже уйти или ещё подождать. На её тяжёлые вздохи стали обращать внимание посетители. Один из них поинтересовался, не случилось ли чего, но та, выражая недовольство, отмахнулась.

Раздался телефонный звонок, и девушка, повеселев, взяла трубку и, печально вздохнув, ответила:

— А это ты.

На проводе был Альберто. Он сообщил, что уже неделю не может дозвониться до друга, и поинтересовался, не владеет ли она какой-нибудь информацией. А девушку в этот момент пронзила мысль, что с ним мог кто-то разделаться из их братства. Они все как один ненавидят её, а вот Луиджи наоборот заступился, предав критике такое отношение. Их диалог затянулся, и Натали решила, что в организации, замешанной на крови и жестокости, у неё обязательно должен быть хоть один друг с сильным плечом, на которого можно положиться. И тут же пригласила того на встречу для обсуждения серьёзного дела.

Встречу назначила в близлежащем парке. И, сидя на лавочке вдаль от прохожих, предложила работать в тандеме и заменить в сделке Луиджи. Альберто, не скрывая радости, согласился. Они долго ещё общались, не торопясь покидать оазис комфорта и прохлады в этот полуденный зной. И под конец общения расстались уже пусть и не как друзья, но как вполне себе хорошие знакомцы — понимающие и принимающие друг друга без лишнего холода и чванства.

Оказалось, что у них даже есть общие темы для общения, и они друг от друга могут почерпнуть что-то полезное. Вот, например, Натали хорошо разбирается в дизайне интерьера и прекрасно подбирает элементы убранства для любого помещения. Плюс увлечена живописью, хоть и абстрактной. Вполне себе интересная девушка, хоть и немного странная.

Сам Альберто любил пейзажи, без людей — они умиротворяли его. Он, частенько нарисовав тот или иной пейзаж, всегда представлял себя в том или другом уголке своего шедевра. Вот он стоит на краю обрыва, вдыхая солёный ветер, расставив руки в стороны как крылья, и вдруг, как птица, уже летит навстречу солнцу, и ветер обдаёт его лицо прохладой. Или идёт по узкой тропинке среди золотистых колосьев, слушая шелест травы. А вот он уже сидит на берегу озера, слушает плеск волн и чувствует, как уходит вся суета. Было интересно путешествовать по собственным картинам. В них он никогда не слышал грубых окриков и уж тем более упрёков и понуканий, а воздух был наполнен тишиной — такой густой и тёплой, что хотелось остаться в ней навсегда.

Вся его стена от пола до потолка была увешана его же картинами, и каждая — с собственным миром. Но интерьер бил по глазам, ибо выделялся на этом фоне коричневым пятном и совсем не подходил этому помещению. А вот Натали, лишь взглянув на фотографии его комнаты, сумела подобрать такой цвет, который гармонировал с его полотнами и, как казалось, был их частью. Она распознала едва заметные оттенки зелени в его пейзажах, уловила глубину синего в закатах — и предложила приглушённый серо-зелёный. Обработала в фотошопе — и вуаля. Теперь ни стена, ни мебель не спорила с холстами, а наоборот, словно поддерживала их, создавая единое целое. Теперь и его комната стала волшебным миром, попав в который можно было без переходов переноситься в те прекрасные уголки, что влекли всё его нутро.

В благодарность, в одну из ночей Альберто пробрался на пирс и в журнале учета, задним числом подделывая почерк, здесь же лежащей ручкой указал время отбытия яхты «ALBA». Отшвартовал судно на тихой скорости и отправился прочь от берега. Звёзды светили холод-

ным и безразличным светом, оставаясь немymi свидетелями его преступления, и лишь волны тихим всплеском пытались осудить. Но Альберто было всё равно. Он отплыл на приличное расстояние, спустился в трюм и пробил в днище дыру. Так небольшое судно затонет, и не останется лишних вопросов о том, как пропали старики. Пересел на спасательную лодку и поплыл к берегу городского пляжа. И, оказавшись на нужном ему расстоянии, покинул лодку в надежде, что течение сделает своё дело и унесёт её подальше от этих берегов.

Алонзо несколько дней кряду не мог дозвониться до родителей и очень беспокоился. Он мерил шагами комнату, то и дело бросая взгляд на экран телефона, словно тот вот-вот вспыхнет долгожданным вызовом. В голове копошились мрачные мысли с неприятными сюжетами: авария, внезапная болезнь, что-то такое, о чём он даже боялся подумать. Тогда он набрал Натали как члена семьи, который живёт неподалёку.

— Алонзо. Привет. Что-то случилось? — произнесла девушка безразличным и холодным голосом.

— Натали, сестрёнка, я до родителей не могу дозвониться. Ты не в курсе, что с ними?

— Ой, брат, нет. Ты же знаешь, мы не в ладах. Я давно уже у них не была, и, поверь, даже нет никакого желания. Мы чужие люди.

Мужчина поморщился. Какая же она всё-таки неприятная, а ещё и неблагодарная. Он хотел попросить её провести стариков, но передумал. Она совсем не разделяла его тревог. И он, бросив всё, взял ключи и отправился на автостоянку. От Бари до Палермо он доберётся за семь или восемь часов.

Мужчину радовало лишь одно: у него сейчас отпуск. Были планы провести его с детьми и женой, посещая разные мероприятия. Но что делать — придётся теперь подкорректировать часть из них. Дети поймут и не обидятся. Он объяснит им, что роднее и дороже родителей нет ничего.

Мужчина выехал со стоянки и влился в поток машин. Солнце клонилось к закату, окрашивая улицы в тёплые, медовые тона, но человек за рулём почти не замечал красоты вокруг. Его мысли были уже там, в Палермо, рядом с теми, о ком он так сильно переживал. Дорога отвлекла от нехороших мыслей, и Алонзо немного успокоился. Он был не из тех, кто поддаётся панике, и привык действовать. Даже в критических ситуациях он всегда прорабатывал план действий и находил порой нестандартное решение. Поэтому сейчас он крутил руль и внимательно смотрел на дорогу.

Дом встретил мужчину пустотой — тягучей и неприятной, и он почувствовал неладное. Тогда он пошёл к соседям. Сначала к синьору Скарпа, который каждое утро выгуливал пса по той же дорожке, что и ходили старики. Тот лишь развёл руками:

— Не видел их уже больше недели, наверное. Думал, уехали к внукам.

Потом к синьоре Мартине, что жила напротив и замечала каждую мелочь. Она вспомнила, что видела, как старики выходили, возможно, в магазин, но обратно не вернулись. И это было ещё в воскресенье. Она не придавала этому значения, полагая, что они остановились у Натали.

Алонзо понял, что надо заявлять в полицию.

На пирсе диспетчер, мужчина уже преклонных лет, сообщил некоторую странность. Он не помнит, чтобы супружеская чета подходила к нему, но в журнале стоит время их отплытия и роспись самого Стефано. А самое главное — он вроде как помнит, но не очень уверен в этом, что когда он уходил вечером домой, то в тот день яхта стояла на месте.

— Вы меня извините, — со вздохом произнёс он, — чего-то меня совсем память подводить стала.

Пустую спасательную шлюпку от яхты через три месяца обнаружили у берегов Мавритании, в связи с чем сделали неутешительный прогноз, что чета Марино утонула. И хотя в Италии не бывает зимы, в сердце их сына поселилась стужа, и он чувствовал, как по коже гуляет холод утраты.

Алонзо устроил похороны. В отсутствие тел он похоронил любимые вещи своих родителей и плакал как маленький ребёнок, когда гробы с их вещами опускали в могилу. Росанна утешала брата как могла — она обнимала его, пытаясь поддержать, и сама ревела в его рубашу громче него. Близнецы тоже обнимали друг друга и крепкие парни не стыдились слёз.

Не разделяла их боли лишь Натали, которая смотрела на всё безразличным и безучастным взглядом. Выглядело так, словно она проходила мимо и неожиданно для себя попала на церемонию похорон и, чтобы не показаться грубой, остановилась посмотреть...

Натали сидела напротив Алонзо за столиком у окна в джелатерии и поедала большую порцию мороженого, так услужливо купленную мужчиной. Это было её любимое место. Отсюда можно было видеть, как полуденное солнце стирает и поглощает тени, размазывая их по земле, словно они уже часть чего-то ненужного. Они становились всё короче и короче, а потом, забившись в агонии, исчезали и переставали существовать — словно жертвы на их алтаре. Это было величественное зрелище.

«Да, люди — это тени жизни, и в моей власти сделать так, чтобы они исчезли, — сделала для себя вывод Натали. — А я — вот это полуденное солнце, великое и беспощадное».

Занятая своими мыслями, она словно забыла про брата, сидящего напротив. Мужчина протянул руку и положил поверх её, пытаясь установить близкие отношения, и невольно вернул её в реальность. Девушка скорчила гримасу и, высвобождая руку, произнесла:

— Вот давай только без этого. Не люблю телячьи нежности.

Алонзо неловко кашлянул и перевёл взгляд на свою порцию мороженого.

— Сестрёнка, — начал было он своё обращение, но и тут бестактная Натали его перебила.

— Никакие мы не брат и не сестра, хоть и выросли в одном доме. Но ты же не маленький, сам всё понимаешь. В общем, я не жажду быть вам родственницей. И буду очень признательна, если вы меня избавите от этого и перестанете названивать, интересоваться, как у меня дела, и приглашать в гости. Мы — чу-жи-е, — закончила она по слогам для большего понимания.

— Ну как бы то ни было и как бы ты ни думала, но ты тоже есть в завещании родителей на наследство, — перешёл к делу теперь уже не родственник, еле сдерживая раздражение.

— Оу-у-у, — протянула девушка. — А вот это уже интересно. — И, не скрывая радости, полюбопытствовала: — И что же мне полагается?

— То же, что и всем: одна пятая доля от их имущества.

— А, ну то есть сумма не оговорена. А это значит, чем дороже продадим, тем больше будет доля, — оживилась Натали.

Мужчина нахмурился и бросил недовольный взгляд на собеседницу. Ей словно было всё равно на то, что родителей больше нет, и это обстоятельство её ничуть не печалит. В голове начинала зарождаться мысль, что она знает больше чем говорит и может даже причастна к исчезновению родителей. Но как это доказать?! Сейчас это выяснять не лучший вариант.

— Мы не хотим продавать дом. Он останется как память для нас всех. Но ты получишь свою долю. Вот: — Мужчина достал бумагу с оценкой дома, заполненную самим оценщиком, и протянул Натали. — Ознакомься.

Девушка прочитала и недовольно забарабанила пальцами.

— Если устроить аукцион, то его можно продать дороже, — заключила она. — Плюс мебель — можно сказать, раритет — тоже немало стоит.

— Можно, — согласился мужчина. — Но на эту сделку нужно согласие всех наследников. А Вико, Лучано и Росанна тоже против продажи они не хотят, что бы дом достался посторонним

людям. Поэтому тебе придётся забрать свою долю и забыть и про дом, и про нас всех, раз уж ты считаешь нас чужими людьми.

— Тогда мне нужна ровно половина от стоимости. Иначе я не согласна и буду через суд требовать продать недвижимость на аукционе.

Мужчина не стал спорить и на следующий день у нотариуса передал ей ту сумму, о которой они договорились. Натали удовлетворённо кивнула, свернула бумаги и сунула их в сумку. Она и не ожидала, что на недвижимости стариков сможет заработать столько денег и рассчитывала лишь на пятую её часть. Но раз кому-то из членов семьи этот дом дорог, то почему бы не воспользоваться моментом, мало ли что старпёры сэкономили на ней. Теперь у неё есть всё, чтобы жить той жизнью, о которой она мечтала. Без контроля, без упрёков, без этих вечных «ты должна», «мы для тебя стараемся» и «куда ты столько тратишь». Она больше никогда не будет никому обязана. А старики... что ж, они получили то, что заслужили. Своей смертью они оплатили её свободу. И это было самое лучшее, что они когда-либо для неё сделали. После нотариуса они разошлись в разные стороны с твёрдым намерением забыть про существование друг друга.

Близнецы, узнав, что Алонзо решил продолжить дело отца, заплодировали, громко хлопая в ладоши, и отказались от своей доли в пользу него, взяв с него обещание, что он сохранит небольшой сад на заднем дворе в таком же состоянии, как его создали родители, и ничего не будет там менять. Они любили этот внутренний сад. С ним у них было множество весёлых воспоминаний. Именно в нём они проводили то счастливое и незабываемое время — шлодничали и проказничали, иногда помогали родителям, а порой просто отдыхали и мечтали. Именно здесь они смогли найти в себе гармонию и тягу к знаниям. Штудировали энциклопедию о насекомых, по рисункам определяли, как называется тот или иной жук, пойманный ими в саду, и незаметно для себя стали более общительными. Да, тот сад был оазисом счастья для детей, до этого целыми сутками проводившими в полутемной комнате, куда их запирали родители, плотно подсевшие на героин, и время от времени бросали им кусок хлеба, чтобы они не померли с голода. Именно в этом доме они ощутили себя кому-то нужными и, лёжа в гамаке, растянутом между двумя яблонями, смотрели на небо и представляли себя птицами.

Вико вытянул вперёд руку и сквозь растопыренную пятерню пытался разглядеть небо с плывущими по нему облаками, как вдруг на руку ему села божья коровка.

— Ого! — восторженно воскликнул он. — Лучано, смотри какая красота!

Лучано повернул голову и тоже восторженно вскрикнул:

— Ого! А эта-то, посмотри, не как вчерашняя жёлтая — эта красная с чёрными точками! Давай посмотрим, чем она питается.

Он энергично начал листать энциклопедию, вчитался, а потом изрёк:

— Эта хищник. Тлей питается. Давай её на листья яблони посадим — пусть она там всю тлю разгонит.

Мальчишки засмеялись и бросились осматривать листья яблони. А пока они искали поухлые, покрытые тлей листья, божья коровка улетела — и была такова.

— Эх, видно, не по нутру ей наша яблонька, — вздохнул Вико.

— Да просто на ней тли нет, — попытожил Лучано. — Вот она и улетела.

— О, идея! А давай мы где-нибудь в городе найдём тлю и принесём её сюда. А потом и божью коровку посадим — ей здесь точно понравится.

Сказано — сделано. Полдня мальчишки лазали по городским насаждениям и пропустили даже обед, но нашли то, что искали, и довольные собой отправились домой.

А на другой день Стефано ходил с пульверизатором и опрыскивал яблони, удивляясь, откуда на их листьях появилась тля.

А мальчишки, поняв, что они очень сильно напортачили, делали вид, что усердно помогают. Вико таскал воду, Лучано тщательно размешивал раствор, и оба старательно отводили глаза, стоило Стефано приблизиться. Они даже не переглядывались — боялись, что если встретятся взглядами, то не удержатся от смеха и тут же во всём сознаются.

Стефано же ходил между яблонями, хмурился, рассматривал скрученные листья и качал головой.

— Странно, — бормотал он себе под нос. — Вчера ничего не было. Откуда она взялась? Словно с неба упала.

Вико и Лучано переглянулись — на этот раз не выдержали — и одновременно прыснули, спрятав лица в ладонях.

— Вы чего там? — обернулся Стефано.

— Ничего, пап, — хором ответили они, вытирая глаза. — Просто... пыльца. Аллергия.

Стефано посмотрел на них с подозрением, но ничего не сказал. Только вздохнул, поправил шляпу и продолжил опрыскивать листья. А мальчишки, тихо давась смехом, снова принялись за работу — с таким старанием, будто от неё зависела их жизнь.

Сейчас, взрослыми, они понимали: Стефано знал, кто стоит за появлением тли. И не ждал от них признания. Он молча отматывал поражённый тлёй лист кипариса от листа яблони — того самого, что Лучано примотал ниткой, выдранный из шорт Вико. А сам пристально вглядывался в них — не в листья, а в глаза. Проверял: поняли или нет. И, очевидно, заметил, что поняли. Поэтому и не стал ругаться, не стал наказывать. Просто привлёк их к уничтожению этой тли.

Таких воспоминаний у них было много. Любили они почудить — этим и дорог был им этот сад. Здесь они чувствовали себя кому-то нужными и с азартом что-то придумывали.

Алонзо уже давно подумывал сменить профессию и осесть в тихой гавани. Морской романтикой он переболел и устал от длинных рейсов, длящихся по полгода, а то и больше, в течение которых он не видит семьи. Дочка, можно сказать, выросла без него, а теперь также растёт и его сын. И незаметно для себя он вдруг сделал вывод, что ремесло отца ему отлично бы подошло. Небольшие навыки у него есть, да и батя всегда подскажет, если возникнут трудности.

Он уже проработал некоторый дизайн мебели премиум-класса и не хотел на этом останавливаться. Позвонил родителям, чтобы обсудить идею, но те были недоступны. Тогда он не придавал этому значения, подумал, что у них обоих разрядились телефоны. Но когда на следующий день результат был таким же, он забеспокоился.

Теперь его мечтой стало проработать линейку мебели от Марино. Таковую, например: спальня «Стефано», кухня и детская «Джиневра».

«Стефано» виделась ему в глубоких, приглушённых оттенках, с плавными линиями и резьбой, напоминающей складки тяжёлой ткани. Он представлял, как в такой спальне вечерняя заря ложится на изголовье кровати, а тени мягко скользят по фасадам шкафов — спокойные, обволакивающие, словно обещание тишины.

Кухня «Джиневра» рождалась в его воображении совсем другой: светлой, открытой, с тёплым деревом и латунными деталями, которые будут поблескивать в свете подвесных ламп. Ему хотелось, чтобы здесь всё располагало к неспешным разговорам и смеху, чтобы даже простая чашка кофе становилась маленьким ритуалом и семейным счастьем. А детская в той же стилистике — с округлыми углами, пастельными тонами и секретными ящичками-тайниками, в которых дети прячут свои сокровища. А в этих ящичках тайниках можно расположить небольшие шкатулки в виде сундуков, которыми пользовались в свое время пираты.

Для этого он уже нашёл молодого, перспективного и креативного технического дизайнера. Пусть пока и без опыта, но у него есть нужное видение. Но его работа всё равно будет

стоить денег, и закупка материала тоже. Хотя накопления есть, их надолго не хватит. Нужно было как можно быстрее запускать в работу цех. Поэтому помощь близнецов в виде отказа от своей доли очень помогла, и он был им очень благодарен, как и Росанне. Та хоть и не отказалась от своей доли, но взяла только половину причитающихся ей денег, остальную часть оставила на развитие его производства. С тем условием, что, если удастся раскрутить дело — в чём она не сомневалась, — он возьмёт её в долю, процента на четыре от дохода. Она же в свою очередь возьмёт на себя часть работы по реализации мебели в Милане. Плюс сможет договориться с фабрикой по производству мебели, чтобы запустить его наработки в массовое производство, если он конечно сможет создать что-то уникальное для среднего класса.

Условия были очень приемлемые. Свой торговый представитель в крупном городе — это всегда очень удобно, и Алонзо согласился. Он уже было подумал, что ему не придётся даже брать кредит с таким количеством наличных на руках. Но жадность Натали спутала все карты. Однако мужчина не унывал. Главное — дом родителей. Именно родителей, а не приёмных родителей, ибо при достижении совершеннолетия он взял себе их фамилию. Так вот, дом родителей теперь его, и память о них останется с ним навеки. Осталось теперь найти в напарники толкового краснодеревщика, и фамилия Марино прогремит на весь мир.

Луиза спешила домой, решив сделать любимому сюрприз. Для этого она отпросилась пораньше. Сегодня годовщина их знакомства — Диего уже наверняка что-то приготовил, и она не должна остаться в стороне. Женщина накупила лакомств, чтобы отметить как следует, и, напевая под нос любимую мелодию, зашла в лифт.

Нажала на нужный этаж и затихла в ожидании. Лифт поднял её на третий этаж и остановился, открывая двери. И Луиза почувствовала, как обрушился мир её счастливой идиллии. Диего на площадке крепко целовал в засос какую-то совсем ещё юную девушку.

Еле оторвался от губ и, подняв глаза, вдруг увидел её. На мгновение опешил — страх и растерянность промелькнули у него в глазах. Но он быстро взял себя в руки и вернул привычную уверенность.

— Дорогая, — проговорил он, — это не то, что ты подумала. Это моя двоюродная сестрёнка, пришла помочь мне с приготовлениями. И она уже уходит. Пока, Катрин, — помахал он рукой, втолкнул девушку в лифт и нажал на кнопку.

— Здравствуйте, — проговорила та дружелюбно, но во взгляде просквозила неприязнь и ревность.

— Здравствуйте, — едва успела ответить Луиза, но двери лифта уже захлопнулись, и он повёз предмет её тревожных мыслей вниз.

Мужчина извивался как уж. Он торопливо чмокнул свою пассию в щёку, взял из рук покупки и открыл двери.

— Готовили тебе сюрприз, думал успеем и не придётся ничего объяснять. Но ты, я смотрю, сегодня решила прийти пораньше. Катрин чудо как готовит, вот я и решил, что она сможет помочь. Я как-нибудь познакомлю вас поближе.

Женщина сняла плащ и прошла следом на кухню. Бросила взгляд на стол и поняла, что все блюда из ресторана и доставлены сравнительно недавно, а значит, всё, что ей сейчас озвучили, — наглая и бесцеремонная ложь. На краю стола даже лежал клочок обёрточной бумаги, от которого её благоверный в спешке забыл избавиться. Она скомкала и бросила его в мусорное ведро, избавив свои уши от очередного потока лжи.

Сегодня будет праздник. И это будет её праздник. Праздник прозрения. Триумф истины над маской притворства. Ведь сестёр не целуют поцелуем, полным страсти, до умопомрачения. Их целуют крепким, но коротким обрывистым поцелуем, который сравним с короткой вспышкой фейерверка или лёгким прикосновением крыла бабочки — едва уловимым, нежным, но лишённым страсти.

Ей уже стало очевидно, что она не одна в его сердце и он не любит её так, как любит ту, что только что ушла. Но зачем он лжёт и продолжает эти отношения? И почему он приводит её в её дом? И как давно он это делает? Неужели после того, как они поженятся, он будет поступать так же?

Она была не из тех, кто закатывает скандалы, выясняя отношения, но для себя решила прояснить всё. А пока сделала вид, что очень, ну очень ему поверила. Род Дюпон очень благороден и никогда не мараёт себя мелкими склоками и ссорами. Они не относятся к аристократам, но как истинные аристократы решают вопросы без шума и сплетен, сохраняя достоинство в любой ситуации. Она была воспитана так с детства, вбирая в себя вековые традиции своей семьи.

Мужчина принёс фужеры с шампанским, кинул в её сторону тревожный взгляд и, увидев её спокойное лицо, облегчённо выдохнул.

«Эта курица настолько в меня влюблена, что не видит дальше своего носа», — подумал он, испытывая в глубине себя большую гордость за свою сообразительность.

Они пили шампанское, поедали закуски и непринуждённо обменивались шутками, словно вовсе не было никакого напряжения, висевшего в воздухе. За окном начался дождь. Крупные струйки воды потекли по стеклу неудержимыми слезами, которыми хотелось плакать женщине, но она держалась из последних сил, изображая беспечный вид. Небо громыhalo, словно с кем-то скандалило, доказывая свою правоту, и Луиза представила, что это её слова боли и грусти сейчас летят белыми птицами прочь от стен комнаты — через приоткрытое окно, над городом, к океану, где их никто не сможет перехватить или исказить.

«Зачем ты мне врёшь? Зачем ты мне врёшь?» — кричала её душа отголосками грозового эха.

К концу пиршества Луиза, сославшись на занятость в работе и нехватку времени, сопроводила ухажёра восвояси, а утром вызвала службу и установила в доме скрытые видеокамеры. Теперь, будучи даже на работе, она сможет увидеть, что творится у неё дома в реальном времени. Если её догадка подтвердится, она сможет перешагнуть через всё, что было, и обрубить все концы, связывающие их, как бы больно и тяжело ей ни было.

Уж лучше так, чем всю жизнь жить в подозрениях и недоверии. Ей нужен тот, кто разделит с ней этот мир поровну, все радости и горести ровно пополам. Тот, на кого она сможет положиться, тот, кому она будет доверять. Тот, чья верность не померкнет со временем, чьё сердце будет гореть таким же любовным огнём, как её, а рука всегда будет рядом. Тот, кто станет надёжным партнёром во всех смыслах этого словосочетания — день за днём, год за годом будет создавать вместе с ней их собственный, особенный мир. Где каждый поддерживает другого и делится не только счастьем, но и силами, и энергией в минуты усталости.

— Милый, ну сколько ты ещё будешь возиться с этой стервой? — спросила Катрин, потягивая коктейль, лёжа в постели Луизы, и показательно надула губы, показывая всем нутром своё недовольство.

— Потерпи, мой котёнок. Осталось совсем чуть-чуть, поверь мне.

Мужчина отпил из своего бокала и чмокнул девушку в щёку.

— Через месяц у нас свадьба, а ещё через два или три она унаследует компанию бабушки. И эта дурочка, представь, не удосужилась даже обсудить брачный контракт. А значит, при разводе я получу ровно пятьдесят процентов от стоимости этой компании. Не зря же я столько сил приложил, чтобы покорить её сердце. Ты знаешь, сколько у неё было ухажёров? Я их всех затмил, теперь она кроме меня никого больше не замечает.

Мужчина не стал вдаваться в подробности, как он из кожи вон лез, чтобы узнать её предпочтения, покупал цветы большими букетами. Платил официантам, чтобы те перечислили блюда, которые она заказывала, и изрядно на это потратился. Но это сторицей окупится, когда

он достигнет своей цели. Но чем ближе он приближался к так нужному ему результату, тем нетерпимее становилась Катрин. Она проявляла ревность — жгучую и неуправляемую, совсем забывая об уговоре, ставя под угрозу его, а теперь уже и их план.

— Не забывай, что твоё сердце должно биться только для меня, — требовательно заметила любимая.

— Конечно, милая. Вот послушай, — Диего поднёс её руку к своей груди и прижал как можно сильнее. — Чувствуешь? Скоро мы с тобой разбогатеем, нам не придётся пахать от зари до темна. Мы будем сами себе хозяева.

— Не понимаю, — не унималась девушка. — Как ты можешь с ней делить постель?!

— Дорогая, я всё это время думаю только о тебе. Хватит дуться.

Мужчина притянул недовольную Катрин к себе и покрыл страстным поцелуем, отставляя в сторону бокал. Их тела сплелись воедино, и слова стали не важны — был только жар кожи, сбившееся дыхание и бешеный ритм сердец. Он взял её уверенно, властно, не оставляя места сомнениям, и внутри неё вспыхнули тысячи звёзд, разрываясь на части в ослепительном блеске.

Девушка умиротворённо потянулась — всё её тело ещё не отпускало чувство наслаждения.

— А давай ещё заберём у неё эту квартиру, — предложила она. — А то я с ума сойду, понимая, что она живёт в жилище, в котором сохранились следы нашей с тобой любви.

— Заберём, заберём, — пообещал мужчина, вполне осознавая, что это скорее всего будет невозможно. Но ему не хотелось злить любимую, и он ласково, с некоторой задумчивостью погладил её волосы.

— А ты точно уверен, что её бабушка отдаст ей компанию, а не кому-то ещё?

— А больше и некому. Сын её, отец Луизы, погиб вместе с женой при крушении поезда. Тогда много людей пострадало.

Мужчина поведал, как стал свидетелем разговора своего отца со школьным другом, который как раз работал в этой компании. Бабушка после трагедии переключила всё внимание на подготовку внучки к столь важному посту и, понимая, что не успеет передать ей в столь короткие сроки весь свой опыт, решила действовать неординарно. Она сняла её с управленческой должности и на некоторое время определила в отдел аналитики, считая, что если Луиза досконально изучит предприятие изнутри, то уже не станет жертвой хитрых, недобросовестных и изворотливых сотрудников. И будет быстро определять то русло, в котором нужно двигаться, и выявлять проблемы на начальной их стадии.

По истечении года переправила её в отдел разработки, а на завершающем этапе вообще загрузила работой по направлению системного администратора. И надо сказать, такой метод очень помог самой Луизе — ближе изучить личные качества каждого сотрудника, отметить для себя самых сметливых, старательных и ответственных, тех, на кого в дальнейшем она сможет положиться не по протекции кого-то, а основываясь на свои знания об этих людях. Срок её ознакомления с компанией изнутри подходил к концу, и в скором времени она станет сначала заместителем председателя директоров, а потом займёт пост и председателя совета директоров. В этот момент бабушка отойдёт от дел, полностью отдав рычаги правления своей единственной внучке.

Когда Диего услышал, а правильнее сказать — подслушал разговор двух давних приятелей, у него зародилась мысль, как легко разбогатеть, чтобы потом не работать вообще. В отличие от своего отца, который трудился в автомастерской и не брезговал копаться в масле и грязи, сын предпочитал оставаться чистым. Но и оставаясь чистым, не работая физически, он не стремился включать в работу и мозг. Всё время проводил за карточными играми, да искал тех, кого можно облапошить. На тот момент он уже бросил четвёртую работу, на которую с большим трудом его устроил отец.

Сказать, что парень был глуп, было бы в корне неправильно — он закончил колледж и мог бы поступить и в университет, но это ему было не интересно. Не интересно ни учиться, ни работать. Он хотел денег. Денег лёгких и быстрых, с минимальным риском. А не тех, ради которых надо месяц работать, чтобы потом получить что-то на карточку. В нём жил необузданный дух авантюриста, жаждущий развлечений и путешествий.

Первое, что сделал Диего, — пробил всю информацию о членах фирмы, нашёл фотографии Луизы Дюпон и стал караулить её у здания компании. Расчёт парня был прост: понравиться девушке и покорить её сердце. То, что кто-то из её родственников может быть против их отношений, его не волновало. Бабушке, единственной, кто может возмутиться, уже под восемьдесят лет. Она скорее всего не будет портить отношения с внучкой в тот момент, когда нужно кому-то передать компанию. А если и будет, то недолго. Раз торопится передать дело, значит, чувствует, что ей недолго осталось. А с того света многого не посоветуешь и не -попротивишься.

Взвесив все за и против, хитрец приступил к задуманному. Встречал, дарил цветы, осыпал комплиментами, окружал заботой, иногда даже проявлял ревность. Приглашал на прогулки и со временем понял, что является единственным, на кого смотрит эта девушка.

Но была одна проблема. Настоящая возлюбленная начала терять терпение и, нервничая, грозила рассказать всё его жертве. И мужчина стал назначать ей свидания в жилище Луизы, чтобы успевать везде и всюду. Он даже мирился с тем, что ему пришлось устраиваться в автомастерскую, где работал его отец, администратором автосервиса, чтобы быть при постоянных деньгах.

Ведь приглашая девушку в ресторан, он уже наверняка знал о её предпочтениях. Держа в руках меню, он делал загадочное лицо, напустив интриги, и говорил:

— А давай-ка я тебе закажу несколько блюд. Но если они тебе не понравятся, ты от них откажешься.

Дама с интересом соглашалась. И тогда ухажёр, пристально глядя ей в глаза, говорил:

— Такой прекрасной девушке, как ты, непременно должно нравиться что-то под сладко-горьким соусом, — и называл блюдо, которое чаще всего она сама себе заказывала. И под восторженный всплеск эмоций поклонницы и её рукоплескание продолжал удивлять всё больше и больше. Иногда нарочно ошибался, но это придавало его игре некоторый шарм. Как тут удержаться и не покориться столь обаятельному парню?

Но если бы Луиза знала, что перед тем, как привести ее в ее любимый ресторан, Диего раскошелится и подкупил официанта, то всё волшебство и восторг вмиг бы улетучились, превратившись в неприятный и горький осадок. Но женщина этого не знала и поэтому искренне восторгалась.

Луиза горько рыдала в пустом кабинете уже закрытого офиса. Она не слышала, о чём говорила влюблённая пара, ибо не устанавливала прослушку, но видео было очень содержательным и обличающим. Не зря бабушка как-то назвала его скользким и мутным типом, но внучка не прислушалась к этим предостережениям, и теперь её сердце разбито.

Безжизненные ряды столов, компьютеры с погасшими экранами были безмолвными свидетелями разыгравшейся в её жизни драмы. Длинные тени от стеллажей тянулись по полу, как трещины на старом стекле, словно подчеркивая всю трагичность ситуации. Такие же трещины проникли в её душу и теперь ломали на куски мысли, тело, сердце, рвали на части кожу. И не было в эту минуту до этого никому дела. И лишь чернильная тьма, изредка прорезаемая жёлтыми вспышками от проезжающих машин, пыталась заглянуть холодным и безжизненным взглядом в окно.

Опустошив тело до конца и немного взяв себя в руки, она вдруг заметила, что пропустила от Диего с десятков звонков и несколько смс без ответа ждали, что на них наконец обратят внимание.

— Не жди меня, очень занята на работе, — отправила женщина сухое смс.

И вывела на монитор всё, что сейчас происходит в её квартире. Она могла бы потребовать вернуть ей ключи, но понимала, что такой человек, как Диего, начнёт искать своим действиям оправдание. А выслушивать их и уж тем более видеть его ей сейчас хотелось меньше всего. Проще всего сменить замок в двери.

Промучившись в унылом офисе до утра и убедившись, что Диего покинул квартиру, она вызвала мастера и вышла в коридор в ожидании новых ключей. По дороге к лифту столкнулась с бабушкой. Бегло поздоровалась, и опытный глаз мудрой жизнью женщины точно определил, что внучку мучает сердечная травма. Но утешать и лезть в душу Софи не торопилась. Этот удар судьбы её отпрыск должна выдержать сама — только это закалит её характер, и она сможет стать достойной такого высокого и ответственного поста. В дальнейшем судьба будет бить нещадно не один ещё раз, и нужно уметь держать этот удар и выходить победителем, сохраняя холодный рассудок и здравый ум. Она лишь поблагодарила небеса, что беда случилась тогда, когда жива ещё она, и она не позволит своей внучке оступиться.

В кабинете вызвала своего помощника и дала указания перевести Луизу на разработку нового проекта, который должен быть готов в кратчайшие сроки. Пусть у неё не будет даже времени на всякие переживания, пусть даже выкинет эту глупость из головы.

Курьер доставил новые ключи прямо в офис, и Луиза облегчённо вздохнула. Она снова набрала на номер Диего смс с текстом: «Между нами всё кончено», и следом отправила очень значительную часть видео. А после внесла его номер в чёрный список.

И, полагая, что он может перехватить её у квартиры, сняла номер в отеле и решила выспаться после бессонной ночи там. И действительно, Диего несколько дней караулил её у дверей, а потом и у офиса. Но здесь, втайне от внучки, в дело вмешалась Софи. Пара крепких ребят из охраны сумели донести до мужчины, что они совсем не пара. И мужчина отступил.

Но Луизе от этого было не легче. Частые дожди и туманы усугубили ситуацию, и она совсем впала в уныние и захандрила. Но из России пришло письмо от студенческой подруги, и Луиза решила посетить Оренбуржье. Здесь туман не давал дышать, и она задыхалась в этой непроглядной мгле, а вот в России, она знала не понаслышке, туман бывает только утром и вечером.

Познакомились они в университете в Нижнем Новгороде, куда Луиза приехала по обмену на полгода. Были на разных курсах, но это не помешало им встретиться и сдружиться. Она понимала, что её неожиданный визит может быть не к месту, но знала наверняка, что её российская подруга примет её с распростёртыми объятиями, кинется радостно обниматься и целоваться, выражая восторг, и не будет задавать лишних вопросов. На крайний случай, если вдруг не застанет её дома, снимет номер в гостинице.

И стройная шатенка с модной стрижкой «андеграунд» и милыми ямочками на щеках при улыбке купила билет на самолёт, излучая из лазурных глаз радость от скорой встречи с Оксаной. В голове уже крутились планы: уютные вечера за чаем или кофе с тортиком или пирожным, долгие прогулки по совсем ещё не знакомым ей местам, бесконечные разговоры обо всём на свете — как раньше, в студенчестве, будто и не было этих долгих лет разлуки.

И, как предполагалось изначально, приезд её был немного не к месту, ибо в апартаментах женщины был ремонт. И пока в одной комнате проводились работы, другую комнату разделили пополам длинной ширмой: в одной половине жила она, а в другой — её двоюродный брат из Сибири, который занимался ремонтом в её трёхкомнатной квартире. Другая же комната, красивая, после ремонта, была заставлена мебелью.

Но хозяйка визжала и прыгала от восторга, как пятилетняя девочка, радуясь столь неожиданной, но очень приятной гостье. Они быстро сообразили, куда и что деть, чтобы освободить ещё один уголок, и переместили туда Михаила. И теперь вся комната полностью принадлежала только им.

Мужчина с интересом посмотрел на гостью — его взгляд смягчился, а в глазах заиграли тёплые искорки. Он словно уловил её замешательство и произнёс:

— Располагайтесь, будьте как дома. Ибо я здесь тоже в гостях.

Разбивая вдребезги последние остатки неловкости в душе Луизы. Ни о какой гостинице помышлять в этот момент было не уместно — их захлестнул хоровод радостных событий. В середину кухни установили стол, и он очень быстро стал заполняться снедью. И пока гостя с дороги принимала ванну, он был накрыт полностью. Мужчина за это время по просьбе сестры успел сходить в магазин и закупить всё, чего не хватало. Большой торт стоял посередине стола и был своеобразным украшением к фужерам с шампанским.

— Вы меня спасли, — произнёс он. — Я как раз искал повод отдохнуть от работы, а теперь есть возможность устроить маленький праздник в честь вашего приезда.

Он поднял в приветственном жесте бокал с шампанским, но не спешил произносить тост. Его глаза лукаво блеснули.

— Предлагаю выпить... за неожиданности, — наконец произнёс он. — Особенно за те, что меняют всё.

Подружки переглянулись, многозначительно улыбнулись и расхохотались. Веселье полилось рекой. Мужчина взял на себя обязательство ухаживать за дамами, докладывал салаты, следил, чтобы фужеры не были пусты, и время от времени отвечал на вопросы гостыи. Он аккуратно поддерживал диалог, чтобы не показаться навязчивым, но и так, чтобы не дать никому заскучать.

Раздался звонок, и Михаил, извинившись, хотел покинуть компанию, но был остановлен женщинами и включил видеосвязь, где детский голос радостно возвестил:

— Папочка, я нарисовала тебя и маму!

Мужчина улыбнулся, ласково посмотрел на ребёнка и проговорил:

— Привет, родная. А ну-ка покажи, я посмотрю.

Девочка развернула рисунок, и мужчина в изумлении поднял брови вверх. С рисунка на него смотрел Бараша с круглыми, как крендели, рогами.

— Дочь, это чего это я?! — изумлённо произнёс он, глядя себя по голове, словно проверяя, нет ли чего лишнего. — А чего я у тебя с рогами-то? — с глубоким подтекстом спросил мужчина и расхохотался.

Татьяна, видя радостного папу, тоже весело рассмеялась.

— Ладно, я у мамы уточню потом, что это я за бараш такой.

— Скажи спасибо, что не Олеша, — произнесла его жена Вероника, она уже расположилась рядом с дочкой на диване, чтобы удобно было вести беседу.

Мужчина представил себя с ветвистыми, как у оленя, рогами и расхохотался пуще прежнего. Погрозил пальцем и произнёс:

— Смотри мне, вот приеду — с пристрастием допрошу.

Его раскрасневшееся лицо излучало безграничное блаженство, и Луиза для себя подметила, что вот это и есть простое, семейное счастье, которое не каждому дано испытать. И какое, наверное, это наслаждение — быть бескорыстно любимым таким маленьким существом, как собственный ребёнок, и близким по духу человеком. Она тоже была так близка к этому, но теперь, видать, уже не скоро появится тот, которому она сможет доверять.

— Что это у вас там, вечеринка? — прервал её раздумья тревожный вопрос Вероники. А тревожиться было из-за чего — её муж, начав пить, не мог сразу остановиться, и это было их серьёзной бедой.

— А, да. К сестре подруга приехала из Парижа, вот празднуем.

— Здравствуйте! — в голос произнесли женщины.

— Очень приятно познакомиться. Я Вероника, — произнесла женщина и переключилась на мужа. — Скоро ты домой-то приедешь?

— Да, тут немного осталось, одну комнату доделать — и всё, — ответил он и, завершая разговор, сказал: — Ладно, завтра поговорим. Целую, любимая.

А следом послал воздушный поцелуй и дочке, а потом им всем вместе взятым и отключил связь. Будет неловко выслушивать при посторонних предупреждения от жены о том, чтобы он сильно не увлекался спиртным. Знает он свою проблему и сам, поэтому очень постарается не упасть в грязь лицом. Да и сестра вовремя остановить сможет от лишних граммов — уж ей как никому удаётся взять его в оборот.

В процессе разговора Луиза выяснила, что мужчина зарабатывает на жизнь ремонтом квартир. Сестре, конечно, сделал хорошую скидку — почти в полцены. Мог бы и бесплатно, но шабашки — его единственный доход, а семья требует расходов, и немалых: двух любимых принцессу и королеву попробуй одень да обуь по их запросам да обеспечь всем нужным.

И уже под вечер, когда за окном тихо шумел дождь, он обмолвился о своём прошлом. Сказал, что ему однажды просто повезло. По малолетке попал в тюрьму, и там, среди холодных стен и железных дверей, неожиданно обрёл то, чего был лишён на воле — профессию и грамоту. Научился читать, писать, держать резец, штукатурить стены. А потом над ним шефство взял папа его сокамерника, пожилой мастер, который разглядел в мальчишке что-то большее, чем просто уголовника. Он научил его всему, что знал сам: видеть красоту в чертежах, чувствовать древесину, не бояться сложной работы и относиться к любому делу как к искусству. Именно он вложил в парня то, чего не могли дать тюремные учебники и стены — уважение к труду и веру в себя.

— А сейчас, если что-то непонятно, гугл помогает, — усмехнулся он. — Всё уже придумано до нас, надо только не лениться искать. Но то, чему научил меня мой наставник, — этого в интернете не найдёшь.

Луиза смотрела на него и думала: этот человек прошёл через тюрьму и нищету, но сохранил уважение к труду и любовь к семье. И в его словах чувствовалась такая лёгкость, будто он давно сжился со своим прошлым и научился нести его без тяжести.

— Знаешь, — сказала она, помолчав, — ты напоминаешь мне одну статую. Нет, не ту, что стоит в музее. Ту, которую я видела в мастерской у одного скульптора. Она была ещё сырой, необожжённой, но в ней уже чувствовалась жизнь. Ты — такой же. Сырой, но настоящий.

Мужчина смущённо улыбнулся и перевёл разговор, но в его глазах мелькнуло что-то тёплое. Луиза подумала: может, именно такие люди — потрепанные и сломанные жизнью, но не сломленные и не сдавшиеся — и есть самые живые. И ей стало спокойно сидеть на этой кухне, слушая осенний дождь и голос человека, который научился выживать вопреки всему.

И все же услышанным она была шокирована, но расспрашивать об этом Михаила считала бестактным. Поэтому на следующий день поинтересовалась всей его историей у его двоюродной сестры.

На дворе был двухтысячный год. Мальчику на тот момент было десять лет. На предприятии, в котором трудилась мама Михаила, до сих пор не платили заработную плату — от слова совсем. Рабочие жаловались в местную администрацию, но там отвечали, что такое творится по всей стране и они ничего не могут поделать. Ведь в Конституции Р.Ф. ничего нет.

Тогда часть сотрудников по уговору съездили в область к губернатору. Там пообещали разобраться, но результаты были нулевые. Почти вся техника — трактор, автокран и самосвал — очень быстро перекочевали на ферму к брату назначенного на это предприятие директора. И сотрудники перешли на ручной труд. Что потяжелее, грузили на бортовую машину мужики, что полегче — женщины. А грузить было что: город избавлялся от скверов со старыми деревьями. Ликвидация одного дерева стоила в то время шестьдесят тысяч, а заработная плата сотрудников не превышала одной тысячи рублей, да и ту сумму не спешили выдавать, ссылаясь на то, что заказчики не перечислили деньги за работу, что было, конечно, полной ложью.

Людей от голодной смерти спасали огороды. А вот в школу пацана собрать было не на что — тетради, книги и вещи стоили немалых денег, а бюджет семьи совсем этого не позволял. Отец семейства к этому времени уже плотно сидел на героине, отчего все сосуды на ногах и руках были забиты до того, что он еле ходил на распухших конечностях. Порывался несколько раз бросить, но всё тщетно. По дому тоже не мог ничего делать. Единственное, на что хватало сил, — это следить за грядкой мака, которая была за домом, скрытая от лишних глаз, да полить грядки с другой растительностью. От когда-то умелого человека с золотыми руками не осталось ничего.

Забота о семье легла на плечи женщины. Но много ли себе позволишь, не получая зарплату? Как-то дали протухшую навагу в счёт зарплаты ценой аж в двадцать два рубля за килограмм, хотя на том же рынке свежая такая рыба была лишь по восемнадцать. Но люди были рады и этому. Невольно вспоминался броненосец «Потёмкин», где из-за тухлого мяса вспыхнуло восстание и офицерский состав был выброшен в море. Но на серьёзный протест были готовы единицы, которых успокоили и одёрнули сами же работяги, наученные опытом прежних лет. Объяснили, что и такую рыбу есть можно: надо только голову отрубить и выбросить, а тушку порезать на кусочки и замочить в воде с пищевой содой — и желательно часа на четыре, не меньше, — а потом промыть хорошенько водой, и в принципе можно готовить и употреблять в пищу.

Радость от того, что им перепала дорогостоящая работа, быстро развеялась, и надежда заработать неплохие деньги рассыпалась в прах. А ведь директор пылко уверяла, что их предприятие встанет с колен и они заживут как нормальные люди. Но если кто и зажил нормально — нет, очень богато, — так это сама она, ну и, разумеется, бухгалтер, которой тоже перепало от большого пирога приличным куском, отчего она возомнила себя пупом земли и вела себя надменно и высокомерно. Смотрела на людей как на мусор и пренебрежительно фыркала, когда те пытались хоть что-то узнать про зарплату. Позволяла даже на пару с директором раскрывать недорогую одежду на дизайнере и поинтересоваться в присутствии посторонних: не стрёмно ли ей так ходить?

На что слышала очень глубокомысленный ответ:

— Пусть моя блузка и недорогая, зато я ночами сплю спокойно.

На что уже директор, назначенная на этот пост местной властью, пренебрежительно заявила:

— А чего тут бояться?! Мне это было любой документ подпишут.

И, конечно, как само собой разумеющееся, директору было мало того, что она поимела с этого договора по выполнению такой работы. Она ещё всячески пыталась, используя разные предлоги, не засчитывать работягам их смены, лишив этим самым начисления выплаты за них. Предлоги были вообще из ряда вон выходящие, типа таких: «Я проезжала мимо на машине и не видела, чтобы вы работали». На протест и вопрос: «А кто же тогда выполнил работу, если они не работали?» — махала рукой и заявляла, что она сказала всё, а они могут быть свободны. Смена могла быть не засчитана даже за то, что человек не в удачный момент отлучился по нужде и не удосужился почтить столь высокую особу своим присутствием, когда она на минутку заскочила на объект.

Потом было письмо в Москву, и колесо правосудия, как казалось, заработало. Люди замерли в ожидании того, что им выдадут хоть часть задолженности и вообще повысят зарплату. Как оказалось, сама директор выбрала свою зарплату из муниципального предприятия на два года вперёд — это, не считая других хищений. Но привлечь её к полной ответственности не позволил закон, ибо у неё оказалась инвалидность, что повлекло за собой смягчающие обстоятельства и, соответственно, действия.

Предприятие присоединили к другому, и их новый директор обрадовал, что у него имеется столовая, в которой они будут питаться. Но к концу месяца работяги поняли, что их опять

обманули, ибо, беря себе обеды в столовой, они, как оказалось, проели всю свою зарплату и ещё остались должны предприятию. Зароптали и попросили сделать обеды дешевле, на что получили ответ, что цены в этой столовой и так самые дешёвые по всему городу, в других столовых всё намного дороже. Тогда они подняли вопрос о повышении зарплаты, на что получили ответ, что повышение зарплаты не планируется вообще. И если они хотят получать какие-то деньги, то еду нужно приносить из дома, а не питаться в столовой.

А с экрана телевизора Гарант Конституции на весь мир радостно вещал, что Россия вышла из кризиса, прослеживается тенденция роста доходов населения, и ВВП на душу населения в стране растёт из года в год. А люди, заглянув в свои кошельки, обнаруживали зияющие дыры, которые в связи с непрерывным ростом инфляции становились всё больше и больше, и как черная дыра в космосе затягивали в себя весь доход семьи.

От скудного питания у мамы Михаила стали шататься и выпадать зубы. Понятно, без посещения специалиста было сложно определить, отчего это, но коллектив помогал кто чем мог. Одна из коллег принесла кору дуба для питья и полоскания ротовой полости. Другая приносила хвою, чтобы заваривать и тоже полоскать. К врачу идти не было никакого смысла — тот назначит лечение и выпишет рецепт. И как ни крути, препараты надо выкупать. А на что?

И, понятно, что сын, не посещавший школу, выпал из социума и проводил время, бродя по улице. В один из таких дней судьба свела его с таким же горемыкой, как он сам, но на четыре года постарше. Вдвоём они додумались до того, до чего один поодиночке додуматься не мог.

Поначалу занялись мелким воровством в магазинах, но их быстро вычислили и перестали пускать в торговую сеть, и приятели решили действовать по-другому. Более старший, Денис, вооружился ножом, а Мишка просто взял в руки палку. Жертв находили себе по возрасту — то есть таких же подростков, как они сами. Денис заходил спереди с ножом, а Корюшев подходил сзади и упирал в спину палку, воображая, что у него в руках пистолет.

— Дернешься — пристрелим, — убедительно произносил впереди стоящий, и это безотказно действовало. Жертвы верили, что на данный момент им в спину действительно дышит дуло пистолета.

Гангстеры забирали всё, что могли: деньги, шапку, перчатки. Куртки — надо отдать должное — и обувь не снимали. Нет, конечно, если у жертвы были деньги, то брали их, но если деньги отсутствовали, брали вещами, чтобы потом продать. При ограблении запрещали смотреть вверх и на лицо, заставляли смотреть вниз. Это делалось для того, чтобы жертва не смогла их запомнить — точнее его, Дениса. Взяв своё и обыскав как следует карманы, приказывали закрыть глаза и громко считать до тридцати, снова пообещав пустить пулю, если ослушаются. Пока потерпевший, зажмурившись, считал, злоумышленники, стараясь топтать поильнее, чтобы сбить того с толку, покидали место преступления. В связи с чем все потерпевшие, которые решили всё-таки подать заявление в тогда ещё милицию, говорили, что банда состоит как минимум из трёх или четырёх человек, мало того, у одного из них точно есть огнестрельное оружие.

Милиция стала ездить по району и проверять подозрительные компании пятнадцати - семнадцати лет. На бедовую парочку, где Мишка, будучи шкетом, дышал своему приятелю в пояс, никто не обращал внимания. Ибо он совсем не походил на подростка этого возраста. Был один эпизод, когда патрульная машина сначала проехала мимо, а потом вдруг притормозила и остановилась. Денис наклонился к приятелю и сказал:

— Рассмейся погромче.

Дважды повторять не пришлось, и парнишка закатился таким хохотом, который разнёсся по вечернему городу и долетел до самой реки, где эхо вторило ему и уносило ещё дальше. А вот его напарник, не боясь быть услышанным, кинул подальше от обочины нож. Сотрудники милиции проверили ребят и, не найдя ничего подозрительного, прочитали нотации, чтобы те не шарахались допоздна, а незамедлительно шагали по домам. Ребята их уверили, что как раз

домой и идут. Стражи закона уехали, а вот приятели ещё долго ползали по весенней влажной траве, ища нож.

Вечерним туманом по городу поползли слухи, что какие-то подростки пятнадцати-семнадцати лет, очевидно пересмотрев фильмы в жанре боевик, где-то раздобыли оружие и промышляют грабежом.

В один из таких ненастных дней, когда шёл небольшой дождь, он словно пытался остановить приятелей от рокового шага и предотвратить неизбежное. Но друзья пренебрегли непогодой и вышли на свой промысел снова. Ограбили в тот день двоих ребят. У одного отобрали пятьдесят рублей, с другого, за неимением у того денег, сняли шапку, которую тут же продали за семьдесят мимо проходящему гражданину. И всё бы ничего, но одной из их жертв стало плохо — у него от пережитого потрясения остановилось сердце. Хорошо, что до дома он успел дойти, прежде чем упасть без чувств. И надо отдать должное машине скорой помощи, которые в то время приезжали очень быстро и их не приходилось ждать по три, а то и по четыре часа. Всё это время, пока ехала скорая, мама мальчика очень умело делала ему искусственное дыхание. Парня удалось спасти. Его мозг почти не пострадал — ему повезло, что рядом с ним оказались грамотные люди, действия которых подарили ему вторую жизнь.

Офицер поднимался по лестнице, не рассчитывая ни на что. Опять будет невнятное описание, стенания и страдания — и ничего толкового, что могло бы помочь в деле. Он знал это по опыту: потерпевшие редко запоминают лица. Страх стирает детали, оставляет только размытое пятно — «высокий», «в тёмном», «с ножом». И попробуй потом собери из этого портрет.

Он толкнул дверь палаты и вошёл, уже готовый к очередному пустому разговору. Но то, что он увидел, заставило его замереть на пороге.

Мальчик сидел на кровати, подложив под спину подушку. Перед ним лежал лист бумаги. И он рисовал. Не набрасывал, не черкал — *рисовал*. Уверенно, точно, словно видел перед собой не чистый лист, а живого человека. Карандаш двигался быстро, но без суеты. Вот появилась линия лба. Вот обозначились брови. Вот проступили глаза — и в них уже угадывалось что-то знакомое, живое, страшное.

Офицер медленно подошёл ближе. Он не хотел мешать. Он просто смотрел — и не верил своим глазам. На листе бумаги возникал не фоторобот. Возникал *человек*. С осанкой. С манерой. С тем особым выражением, которое невозможно выдумать, — его можно только запомнить.

— Пять лет художественной школы, — тихо сказала мать, сидевшая у окна. — Он у меня с семи лет рисует.

Офицер кивнул. Медленно, почти торжественно, он взял со стола первый лист — портрет крупным планом. Потом второй — в полный рост, с одеждой, с обувью, с тем самым наклоном головы. Он держал их в руках и чувствовал, как в груди поднимается что-то, чего он давно не испытывал, — *надежда*.

— Спасибо, — сказал он, и голос его дрогнул. — Ты даже не представляешь, что ты сейчас сделал.

Он вышел из палаты и почти бегом направился к машине. Через двадцать минут ориентировки с этими рисунками уже летели по всем патрульным машинам города.

Ребят задержали в считанные часы от момента рассылки ориентировки на одного из них, и, к радости сотрудников сыска, Денис не успел скинуть нож. Их рассадили по разным комнатам и начали вести допрос. А те не особо-то и отпирались, и охотно давали показания, гордые тем, что на протяжении четырёх лет держали в страхе весь город. Ведь до них доходили тревожные слухи о самих себе, и это их изрядно веселило, особенно наличие пистолета у одного из них.

После суда их дороги разошлись. Денису на момент вынесения приговора было уже восемнадцать лет с небольшим хвостиком, и он попал на зону для взрослых на восемь лет. А вот четырнадцатилетний Михаил загремел в малолетку на четыре года. Было там много раз-

ного контингента — от простых воришек до сексуальных извращенцев, и его статья «вооружённое ограбление» делала его в этом месте на ступень выше, чем другие. Он замечал на себе восторженно-уважительные взгляды даже ребят постарше, у которых на это не хватило духу. Поэтому части этой массы он мог позволить себе диктовать свои условия.

Так под защиту Мишки был взят парнишка из обеспеченной семьи. Его звали Сергей, и он попал сюда по глупости — на спор залез в чужой погреб за соленьями. Детская шалость. Но погреба в городе действительно кто-то обносил — регулярно, методично, с завидным постоянством. А оперативники, которым нужно было закрыть план и получить премию, списали большую часть краж на него. Мальчишка загремел на два года.

Сергей был слабым. Не телом — духом. Он не умел драться, не умел давать отпор, не умел держать удар. И сокамерники это почувствовали сразу. Сначала — мелкие придирки. Потом — насмешки. Потом — угрозы. А однажды, на прогулке, Мишка услышал, как двое из соседней камеры обсуждали, что «этого мажора надо опустить». Они говорили об этом спокойно, буднично, как говорят о том, что нужно вынести мусор.

Мишка дождался, когда они останутся одни. Подошёл. Встал рядом — не вплотную, но так, чтобы чувствовалось присутствие. И сказал тихо, почти ласково:

— Слышь. Если вы не оставите его в покое — я заточку в горло одному из вас засуну. Прямо на прогулке. Никто даже не успеет понять, что произошло.

Он не повышал голоса. Не угрожал. Просто сказал — как факт. И этого хватило. Сергея больше не трогали.

Но Мишка в тот момент по большей части думал не о нём. Он думал о себе. Ему нужны были посылки. Обувь. Разрешённые вещи, которые передают с воли. У семьи Сергея водились деньги. Он регулярно получал посылки, от которых ему мало что доставалось, но жаловаться он боялся. Но теперь ситуация кардинально поменялась. Мишка пригласил его в свою компанию на прогулке и подставил своё сильное плечо. Сокатерники Мишки тоже приняли сторону Сергея — и обидчики притихли.

Мишка не был добрым. Он был расчётливым. И это делало его опасным. Даже тогда — четырнадцатилетним пацаном в малолетке. Даже тогда он уже знал: доброта — это валюта. И её всегда можно обменять.

Сергей обрадовался покровителю и был рад услужить. Сын завхоза детского сада не знал проблем ни с посылками, ни с вещами, а так как у него нога была вровень с ногой его спасителя, то свои ботинки он сразу отдал своему новому другу и обул его кирзовые сапоги, которые были очень велики и неудобны. Снабжение спецдежды в тюрьме так себе — не каждому по размеру можно найти, что обувь, что робу. Домой он тут же написал, что его ботинки вышли из строя, ибо оказались некачественными, и попросил маму прислать ему другие. И уже через неделю ходил в новых.

Через полгода один сокамерник из камеры Михаила освободился по УДО за примерное поведение и оказался на свободе, а на его место, к большой радости ребят, переселили Сергея. Это не обошлось без влияния его мамы, которая неоднократно просила руководство тюрьмы перевести её сына именно к этим ребятам.

Это часть той истории, которая случилась в его заключённой в колючую проволоку жизни. Главным же аспектом оставалось не то, что он смог кого-то защитить, хотя это подчёркивает его твёрдый и целеустремлённый характер, а то, что там он начал получать образование. За три месяца он прошагал четыре класса. Мама очень радовалась, когда стала получать письма, написанные не кем-то, а именно им. И пусть каллиграфия была в полном унынии, но это был почерк её сына. Там же он стал осваивать рабочие профессии и получил два диплома: плотника и каменщика-штукатура-маляра.

От отца неоднократно приходили письма, где он строго-настрого запрещал сыну даже пробовать наркотики.

«Ты только посмотри на меня, до чего я дошёл, поддавшись соблазну. Это не жизнь, это хуже, чем смерть», — писал он, выплёскивая на бумагу свою беду.

После выхода на свободу он по настоянию своего сокамерника пришёл к его отцу, который зарабатывал тем, что занимался ремонтом квартир. Работа была не официальной, но парня это устраивало. Лучше побольше заработать самому, чем отдавать какую-то часть в виде налога государству, которое лишило его маму достойной зарплаты, а его — нормального детства.

Наставника звал не иначе как по отчеству — Борисыч, выказывая тем самым своё уважение. Его учитель стал для него эталоном того, каким должен быть настоящий мужик, у которого имеется семья. Он частенько бывал у них в гостях и видел все метаморфозы, которые происходили с этим суровым и строгим мужчиной вне работы. Как он расплывался в улыбке и млел от счастья, когда его младшенькая, подпрыгнув и повиснув на шее, целовала его в щёку. Как он немного робко уступает жене в споре в каком-то бытовом конфликте, сглаживая все углы. Он стал примером для подражания для парня, который, не помня отца нормальным, совсем не имел понятия о тонких гранях семейной жизни.

И однажды он даже выразил мысль, что если бы Борисыч был его отцом, то он вряд ли бы сел в тюрьму. Брови мужчины поползли вверх.

— Да-а?! — удивлённо произнёс он. — А по моему оболтусу этого не скажешь, — уже вторую ходку мотает. Тяжело вздохнул и мотнул головой, прогоняя только ему известные мысли.

И парень осекся и сделал один неутешительный вывод: от суммы и от тюрьмы не зарекайся, особенно в такое время. Когда руководство — что муниципальных, что частных предприятий — по большому счёту ищет разные лазейки, лишь бы не платить работягам за выполненную ими работу. Самая ходовая и эффективная отмазка — это пренебрежительно бросить в толпу негодующих: «У нас в Конституции этого нет».

И если сейчас вы подумали, что на более серьёзных и крупных предприятиях ситуация лучше, то вы очень разочаруетесь, узнав, что разница между ними не так уж и велика. Так, например, на одном из металлургических предприятий входящего в крупный холдинг компаний в двух тысяча восемнадцатом году сотрудница, занятая тяжёлым и вредным трудом, где вредность составляла тридцать два процента, к удивлению для себя вдруг обнаружила, что её оклад ниже минимального уровня, установленного Федеральным Законом Р.Ф. Это грубое нарушение того, что в Трудовом Кодексе Р.Ф. чётко прописано. Минимальный размер оплаты труда — это оплата за труд неквалифицированного сотрудника, занятого на работе полный рабочий день. И туда не входят ни стимулирующие (то есть премия), ни социальные, ни доплаты за превышение норм труда, ни районные коэффициенты. Одним словом — это заработная плата того, кто находится на стажировке и ещё не допущен к самостоятельной работе. То есть голый оклад — тариф квалифицированного сотрудника.

Ошеломлённая своим открытием, она записалась на приём к председателю Профсоюза горно-металлургических компаний, по совместительству являющейся ещё и депутатом Законодательного Собрания от правящей партии по области. И в ответ услышала знакомую до боли отговорку:

— У нас нет этого в Конституции.

— Как нет?! Статья о заработной плате была утверждена в двух тысяча втором году. Другие статьи, прописывающие наши права, ещё раньше — начиная с тысяча девятьсот девяносто восьмого года.

Женщина стала перечислять статьи по памяти, ибо не один день всё это изучала. Припёртая фактами к стенке, председатель сначала растерялась и, чуть наклонившись вперёд, вдруг зашептала:

— Да... они уже привыкли брать без меры. Они не дадут поднять зарплату. Никто не даст. Они уже привыкли...

А потом, спохватившись, вдруг начала жаловаться на свою безденежную жизнь:

— Я тоже так же живу, поверьте, у меня порой нечем кормить ребёнка.

Но толстая золотая цепь на шее, а к ней и золотое кольцо на пальце говорили об обратном. Но красноречивее всех о её непомерно «тяжёлой жизни» кричала её новая Audi, припаркованная неподалёку.

Видя, что с таким «защитником» работа кашу не сварить, женщина предприняла ещё одну попытку найти справедливость. Написала обращение генеральному директору этого предприятия как к депутату от «Единой России», где очень чётко изложила суть проблемы и стала ждать ответ. Но депутат Законодательного Собрания и гендиректор в одном лице, который, скорее всего, даже не держал в руках Конституцию РФ, дал отписку с ответом, взятым им непонятно откуда. Звучало это так:

«Уважаемая такая-то! Поступившее в мой адрес обращение рассмотрено. Информировать вас о том, что МРОТ устанавливается Правительством Российской Федерации. Минимальная заработная плата является порогом оплаты, ниже которой работодатель не может оплачивать своим сотрудникам МРОТ. МРОТ не является "голым" окладом — это совокупная заработная плата, включающая в себя базовую ставку, премии, иные надбавки. Заработок работников предприятия зависит от самых разнообразных факторов: образование, квалификация, опыт работы, выслуга лет, условия труда, сверхурочная занятость. Если на предприятии используется гибкая система оплаты труда с применением премий, то в состав минимальной заработной платы обычно включают оклад, доплаты за превышение норм труда, стимулирующие выплаты (то есть премии)».

Ну и ну. Она не верила своим глазам. Так извратить понимание МРОТа ещё никому не удавалось, даже самому отъявленному мошеннику. Включить в потребительскую корзину на одного человека и оклад, и премию, и доплату за стаж, и сверхурочные — это был нонсенс.

Началось противостояние двух сторон. На женщину стали оказывать давление, которое порой доходило до абсурда. Начальник участка перехватил её по дороге в раздевалку прямо перед работой и рванул с места в карьер.

— Ты когда сюда устраивалась, тебя зарплата устраивала?! — не спросил, а скорее предъявил претензию.

— Ну, на выживание худо-бедно хватало.

— Ну а сейчас? Чем ты недовольна?

— Да тем, что непрерывный рост инфляции сожрал все мои доходы. Цены все эти годы безудержно ползли вверх, а зарплата топталась на месте.

— Ну, мы не в состоянии повлиять на цены.

— Да, но предприятие обязано по закону индексировать зарплату прямо пропорционально росту цен.

— На что тебе деньги? Вон пошла, взяла пятьдесят грамм рыбки и сто грамм каши, поела — и хватит тебе. Я вот так питаюсь и ничего, зато пузо не растёт.

Хлопнул себя по животу для убедительности и пошёл дальше, думая, что смог убедить очередную дурочку. Но у этой «дурочки» в сумке уже лежало письмо для коллективной подписи.

Конфликт набирал обороты. Придя на пересменку, она рассказала коллегам о состоявшемся разговоре и о том, как начальник участка хлопал себя по животу, уверяя, что каждый день съедает не больше ста грамм каши и пятидесяти грамм рыбы. И поднялся вселенский ор. Коллеги тут же рассказали, какие дорогостоящие таблетки он пьёт для похудения, а уж о его столе, ломящемся от яств, так вообще ходят легенды.

— Да знаю я об этом, — досадливо махнув рукой, произнесла она. — Просто удивляюсь и не понимаю: чего он хотел добиться, вливая мне в уши такую информацию?

Известно ей так же было, что его оклад составлял десять её полных зарплат, а сверху ещё падала не менее меньшая премия. Хотя на предприятии запрещено раскрывать свой уровень зарплаты — типа это коммерческая тайна. Но шила в мешке не утаишь. Большая часть коллектива знала, что этот человек не брезгует и левым незаконным заработком. Некоторым лицам он уже на протяжении нескольких лет закрывал нехилое совмещение, которое полностью забирал себе, даже не высчитав подоходный налог. И люди, не зная, как защититься, отдавали всю сумму и даже не заикались о подоходном налоге, ибо несогласие каралось лишением премии и определением в такую задницу, что вместо дома по окончании рабочей смены можно было уехать в морг. Мало того, когда дело доходило до реального совмещения для работяги, здесь он контролировал каждое движение мастера. Мужикам не разрешал закрывать больше двух с половиной тысяч, а женщинам — так вообще не больше пятисот рублей.

На одном из участков, рассчитанного на шесть человек, где бригадиром был мужчина, осталось две женщины. Они, не жалея себя, целый месяц тянули лямку за шестерых, делая всё, чтобы, не дай бог, не остановилось производство. Мастер пообещал закрыть им хорошее совмещение, и они ждали, что их труд оценят по достоинству. Но в начисления сунул нос начальник участка и очень грубо заявил:

— Ты зачем бабам закрываешь так много? Закрой им по пятьсот рублей — и хватит. Бабам зачем вообще деньги? Что они делали?

— Ну так-то они за шестерых вдвоём весь месяц пахали и даже помощи не просили. Я обещал.

— Да мне пофиг. Чего ты им там обещал! Я сказал — не больше пятисот, значит, пятьсот.

А потом потребовал лишить премии ту, которая открыто выражает недовольство уровнем заработной платы. Разговор состоялся такой:

— Эту лиши на сто процентов за участок.

— А как и за что я её лишу? Она свои обязанности выполняет добросовестно, ещё и на завалы ходит копать.

— Ну, значит, без премии останешься ты.

— Ну хорошо, значит, я побуду без премии.

За что начальник участка так ненавидел женщин, что из месяца в месяц требовал от мастера лишать ту или иную премии, известно было лишь, наверное, одному богу. Но то, что мастер в течение полугода ходил без премии лишь за то, что не хотел чинить произвол, было неоспоримым фактом.

Подписанное коллективом письмо полетело по разным инстанциям вплоть до Президента страны, но ситуация не спешила меняться в лучшую сторону, а гайки работягам закручивали всё больше и больше. Так, например, на участок, где находилось три человека, оставили один стул с указанием обедать по очереди. Но как можно угадать, у кого и когда появится возможность перекусить в непрерывном производстве, где нет ещё и людей на подмену?

А дальше началось вообще веселье. Комичность этой ситуации хорошо смог бы описать только М. Зощенко. Сотрудницу вместе с мастером вызвали на ковёр, где сидела целая делегация из семи или восьми человек.

— Ну вот, вы говорите, вам денег не хватает, а вы одна живёте?

— Нет, не одна. Я воспитываю дочь.

— Вы её одна воспитываете?

— Ну как-то да.

— А чего вы себе мужика не найдёте? Найдите себе мужика, пусть он вас обеспечивает.

«Вот те номер», — подумала ошеломлённая сотрудница. — «Да даже работающие здесь мужики все имеют вторую работу и вместо отдыха в законный выходной подрабатывают как будто бы они студенты какие».

И пока она размышляла, то заметила, как эти лица, улыбаясь, пересматриваются друг с другом и обмениваются какими-то двусмысленными взглядами. Это её не на шутку разозлило, и она неожиданно для них вдруг выдала:

— Ну хорошо, я уже нашла. И это любой из вас. Так что меж собой тут порешайте, кто меня обеспечивать будет.

Мужчины смущенно захихикали, а потом один из них, посмотрев на своего соседа, очевидно ища поддержки, произнёс:

— А чего сразу мы?

И чуть замялся. Со стороны выглядело так, что они сейчас реально имеют в виду кого-то конкретного и где-то рядом действительно сидит кандидат в женихи.

— Ну это же ваша идея. А инициатива наказуема, так что я жду. Можете, если что, через детскую считалочку определиться — меня любой вариант устроит.

Раздались смешки. Мальчики опустили взор в пол. Именно мальчики, ибо все они были моложе её. И сидящий во главе, вертя головой из стороны в сторону, неловко ответил:

— Нет, ну мы-то тут при чём? Вы найдите кого-то не среди нас.

Из всего этого абсурда, который происходил минут пятнадцать, очень четко обозначился вывод, что особи мужского пола, занимающие те или иные руководящие посты, вместе с владельцами производств, хотят сделать из Российских женщин меркантильных шлюх.

Единственное, что ей не было предложено на тот момент напрямую, — это пойти и обслужить дальнобойщиков на трассе.

Тем женщинам, у которых всё-таки были мужья и которые выражали недовольство, руководство предлагало бросить этих — которые зарабатывают мало по тем или иным причинам — и найти себе других.

Вот так и живёт Россия: владельцы предприятий, некоторые из которых даже не имеют Российского гражданства, берут с предприятий, отстроенных народом, столько, сколько хотят, невзирая на производственную мощность. Руководители — столько, сколько могут. А работники, рискуя потерять последнее, несут на предприятие инструменты — от пассатижей, амперметров и лопат до маркеров, ручек и тетрадей.

В две тысячи двадцать шестом году

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.